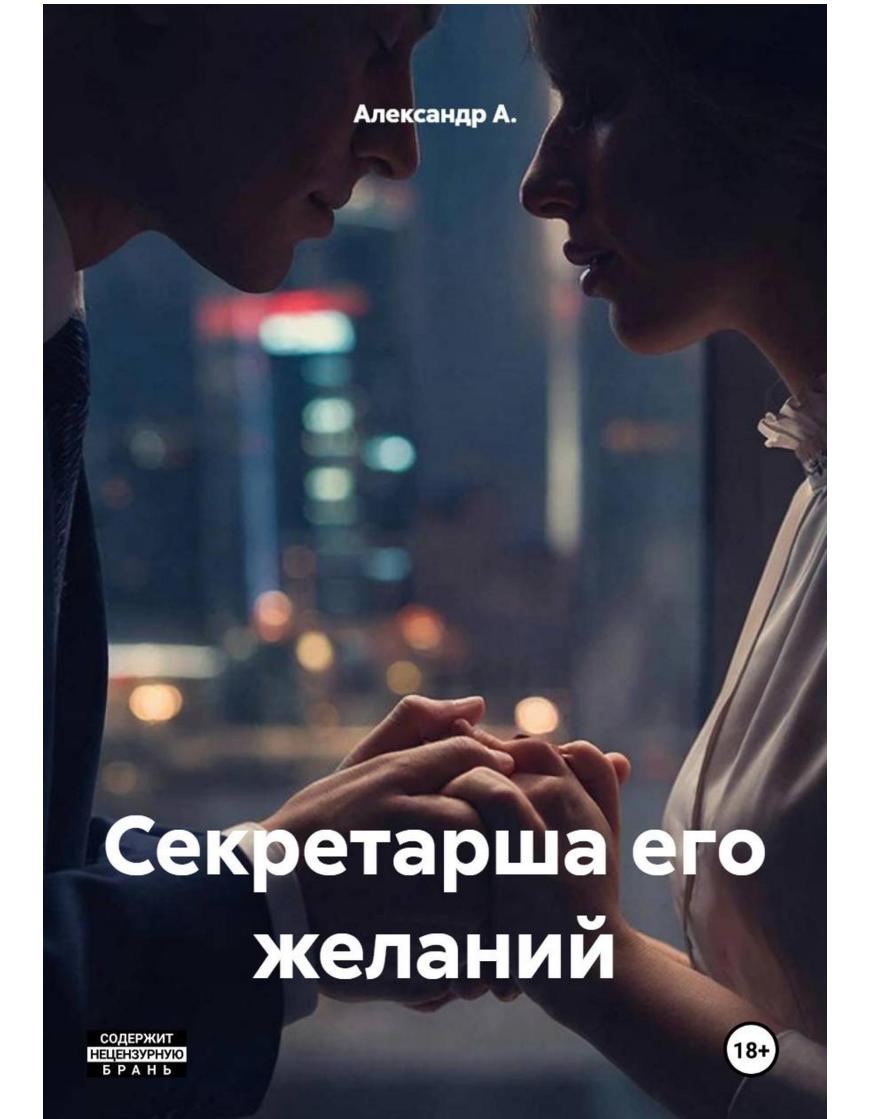

A man and a woman are shown in profile, facing each other closely. The man is on the left, wearing a dark suit and tie. The woman is on the right, wearing a light-colored dress. They are holding hands, with their fingers interlaced. The background is a blurred city skyline at night, with various lights and buildings visible.

Александр А.

Секретарша его желаний

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр А.

Секретарша его желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73564618

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где власть измеряется миллионами, а доверие – роскошью, Александр Вадимович балансирует на грани краха. Прослушка в кабинете, арест коллег, анонимные угрозы – каждый шаг может стать последним.

Но одна случайная переписка меняет всё. Загадочная Оливия, скрывающаяся за фейковым аккаунтом, разжигает в нём не только любопытство, но и пламя, которое невозможно погасить. Её слова – как прикосновение к нервам: лёгкие, едва уловимые намёки сменяются откровенными фразами, от которых кровь быстрее бежит по венам. Он ловит себя на том, что ждёт каждого нового сообщения, как глотка воздуха, – и это влечение выходит далеко за рамки виртуального диалога.

Ольга пытается залечить раны после предательства. Возвращение в отчий дом должно было стать передышкой, но судьба готовит ей неожиданный поворот – встречу с мужчиной, который знает цену риска. Она ещё не догадывается, что тот самый собеседник из сети и влиятельный бизнесмен, о котором шепчутся в новостях, – одно и то же лицо.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр А. Секретарша его желаний

Глава

1

Александр

– Пока всё чисто, Александр Вадимович, но в офисе идёт тщательное тестирование на наличие скрытых камер и других устройств, – докладывает Игорь Мельник – бывший сотрудник правоохранительных органов, а ныне специалист по вопросам безопасности. – Думаю, до завтра сможем предоставить полный отчёт.

В моём кабинете – шмон. В офисе – шмон. Если бы не уборщица, случайно заметившая подозрительный предмет за шкафом, мы бы до сих пор не узнали о прослушке. Сколько времени она там пылилась – трудно сказать. Но, похоже, давно.

Больше всего меня волнует, сколько информации с тех пор утекло. И какого рода. Мысли в голове носятся без остановки, мешая сосредоточиться на важном.

– Жучок установил кто-то из своих, – однозначно утверждаю. – Найди мне ебучую крысу как можно скорее.

– Этим вопросом мы тоже занялись – записи с камер видеонаблюдения уже у ребят, – кивает Игорь, подаваясь вперёд и упирая локти в письменный стол. – Сань, скорее всего, на тебя уже начали копать. И серьёзно. Советую почистить отчётность, рабочие переписки и убрать все следы сделок, которые могут заинтересовать проверяющих.

Я до хруста стискиваю челюсти, разворачиваясь на стуле. М-да.

Приплыли, блядь.

– Сколько у меня есть времени?

– По-разному.

– Довольно размытый ответ.

– Зависит от того, насколько глубоко копают и что найдут. Но обычно, если взялись конкретно, есть от нескольких дней до пары недель. Дальше – обыски, допросы и повестки.

– Ладно.

Я приоткрываю окно – в помещении на цокольном этаже, где обычно хранят документацию, стоит затхлый запах сырости.

Внутри врывается глоток свежего воздуха, пропитанного дождём и пахнущего землёй.

– Не хочешь рассмотреть возможность отпуска, Сань? – спрашивает Мельник.

– Предлагаешь уехать?

– Скажем так: настойчиво рекомендую залечь на дно. Не отвечивать. Затихнуть. Сбавить обороты. В такой ситуации лучше не рисковать.

Вернувшись в кресло, я запрокидываю голову к потолку, перебирая в голове возможные варианты развития событий, при которых удалось бы слинять на пару-тройку месяцев или дольше. Но ни за один зацепиться не удаётся.

Уверен, есть другие способы распетлять. Более приемлемые. Менее травматичные. Хоть и дорогостоящие. У каждого способа – своя цена.

– Не, сейчас никак не могу, Гош, – ритмично отстукиваю пальцами по подлокотникам. – У меня на носу подписание контракта с логистической корпорацией. Контракт завязан лично на мне. Партнёры не станут иметь дело с человеком в бегах.

– Как знаешь, – пожимает плечами Игорь и поднимается с места. – Но за последний месяц ты не первый, за кого взялись.

– Кого-то конкретного имеешь в виду?

– Неделю назад арестовали Аркадия Соловьёва. Представляешь? Человек с таким весом и связями... Дело шили быстро. Даже его адвокаты особо не помогли. Так что думай, Сань. Времени может быть меньше, чем ты рассчитываешь.

– Спасибо за советы, Гош. Я постараюсь урегулировать.

– Возможно, наверху дали команду раскрывать показательные дела без поблажек. Так что я бы на твоём месте не

рассчитывал на старые схемы. В этот раз может не сработать.

Меньше всего я хочу весь оставшийся вечер грузиться тем, что ещё не произошло, но совсем отстраниться не получается.

Я не сторонник преждевременной паники. Но внутри – не она, а неприятное ожидание, как перед ударом, который точно последует. Правда, непонятно, когда и откуда.

Достав из старого железного сейфа коньяк и стакан, открываю первую попавшуюся статью из местного новостного канала, которую переслал Мельник. Заголовок пёстрый, со снимками и комментариями очевидцев.

Я пролистываю текст.

Много интересной информации. Подробности, которые явно слили изнутри: схемы, офшоры, откаты. Даже упомянуты встречи с людьми, имена которых обычно не звучат публично.

Первую дозу коньяка вливаю в себя махом. Остальное отодвигаю в сторону – нужно разгрузить мозги, но не потерять контроль.

На прошлой неделе стало известно о задержании известного предпринимателя и владельца холдинга «Соловей Групп» – Аркадия Соловьёва. Арест произведён без права внесения залога, что указывает на серьёзность предъявленных обвинений.

Согласно данным источников в правоохранительных органах, в отношении Соловьёва велось скрытое расследование

на протяжении последних, мать вашу, шести месяцев. Дело возбудили по подозрению в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере, отмывании преступных доходов и даче взяток должностным лицам.

Я закуриваю сигарету, сбивая пепел на бумаги. Настроение стремится к нулю. От нечего делать открываю комментарии под постом с новостью и бегло их просматриваю, чтобы переключиться.

Кто-то потешается, кто-то злорадствует, кто-то упивается. Ничего нового.

Пальцы машинально прокручивают экран, пока глаза не натываются на броские высказывания какой-то выскочки.

На странице нет фото. Нет зацепок. Видно, что аккаунт фейковый – как и мой. Из данных только имя: Оливия. Кажется производным от чего-то более простого.

«Финансовые преступники совершают ошибки из-за банальной жадности. Они не могут вовремя остановиться».

Несмотря на всю абсурдность ситуации, это почему-то единственное, что заставляет улыбнуться в данный момент.

Я не собирался ввязываться в переписку, но, потушив окурок и полулёжа в кресле, всё же пишу ответ:

«Жадность – удобное объяснение для публики».

«?».

«Система ловит не самых опасных, а тех, кого проще поймать».

«Остальные просто ждут своей очереди».

«К счастью, очередь – не единственный возможный путь».

Я отвлекаюсь на телефонный звонок, забывая о короткой дискуссии с некой Оливией. По ту сторону экрана не обязательно сидит девушка. Возможно, это просто больной на голову мужик.

Анонимный разговор без аватарок и настоящих имён даёт людям полную свободу действий.

Никаких ограничений. Никаких табу. Никаких принципов.

Можно писать что угодно. Можно быть кем угодно.

Тем не менее, я не блокирую номер выскочки, когда, устав добиваться от меня ответа под комментариями, Оливия переходит в личку, чтобы доказать свою правоту на примерах.

2

Ольга

– Я дома!

Родительский особняк встречает ароматами запечённой утки с яблоками и медового пирога.

Я не устраиваю из своего приезда фурора – молча прохожу внутрь и бросаю взгляд на обувь в прихожей.

На тридцать первую годовщину свадьбы родителей, помимо меня, приглашены только старшая сестра с мужем и детьми. В прошлом году – на круглую дату – папа организо-

вал прогулку на яхте с множеством друзей и знакомых, а сегодня всё тихо и скромно.

Я впервые появляюсь здесь одна с тех пор, как рассталась с Константином. Вся моя семья и подруги до сих пор в шоке, что мы больше не вместе, хотя звоночки были уже давно. Отовсюду сыпались вопросы, шутки, подколы.

У меня на это всегда находились разные отговорки.

Я... правда, не понимала, что что-то не так. Отношения с Костей были для меня первыми – я просто не умела отличать, что является нормой, а что нет.

Наверное, стоило раньше начинать встречаться с парнями – ещё в школе. Или хотя бы на первых курсах университета. Но я была уверена, что сначала должна не ударить в грязь лицом и закончить юрфак с красным дипломом.

Самый болезненный вопрос, с которым мне придётся столкнуться сегодня, – почему за пять лет отношений Костя так и не сделал мне предложение, а девушке-модели, с которой он изменял мне, – буквально через пару месяцев?

Но я, чёрт возьми, не знаю. И хочу как можно скорее стереть это из памяти.

Дзынь!

Снимая куртку, я слышу звук входящего сообщения. Не глядя на экран, уже знаю, кто именно мне пишет.

Третий день подряд я веду вполне интеллигентную и увлекательную переписку с анонимом по имени Лекс.

Из темы финансовой преступности мы плавно перешли

на психологию манипуляций, личные границы и механизм власти.

Затем – на инвестиции и риски, остросюжетные книги и фильмы, где мораль сложнее, чем просто «хорошо» или «плохо».

И всё это – без подтекстов. Абсолютно ноль сексуального интереса или чего-то подобного.

Но я пока начеку.

Одно сообщение тянет за собой другое. Я ловлю себя на мысли, что думаю о Лексе даже на работе и в пробках. В одной из затяжных я отправила ему название книги, которую перечитываю минимум раз в год. Сюжет – короткий, необычный. С глубокими размышлениями о справедливости и человеческой природе.

Но отвечать Лексу сейчас – я не тороплюсь, потому что предпочитаю вдумываться в каждое слово.

Это общение идёт вразрез с тем, что было у меня сразу после расставания с бывшим.

Подруга посоветовала зарегистрироваться на сайте знакомств, чтобы повесить себе самооценку, но единственное, что я повесила, – это уровень раздражения от бесконечных примитивных комплиментов, банальных вопросов и очевидных попыток развести на секс.

– Ну наконец-то! – восклицает сестра, замечая меня на пороге гостиной. – Мы уже заждались нашу трудяжку!

Мне тут же вручают пухлощёкого Захарку – младшего сы-

на моей сестры. Если бы я знала, что этот парень уже вовсю распускает руки, то связала бы волосы в высокий пучок, как это делает его мать, Ира. Но теперь мне приходится осторожно освобождать свои пряди из цепких пальчиков, рискуя остаться лысой.

– Привет-привет. Извините за опоздание – пробки, – поочерёдно целую маму и папу, прижимая к себе младенца. – С годовщиной, родные.

Стол давно накрыт, и меня усаживают рядом с сестрой.

Запах домашней еды смешивается с ароматом роскошных свежих цветов, стоящих в вазе по центру.

Мама, как всегда, суетится – поправляет салфетки и следит, чтобы у всех были полные тарелки, как в детстве.

Я искренне надеюсь, что нам удастся обойтись без обсуждения моей личной жизни, но, как только я торжественно произношу тост родителям, отец не выдерживает и, прищурившись, с привычной серьёзностью спрашивает:

– Как там твой недоумок? Не отзывается? Не просится обратно?

Меня передёргивает. Я залпом осушаю стакан сока, пытаюсь проглотить ком в горле.

Я не могу вечно ограждать себя от этой темы, но и открываться пока не готова. Почему-то этот период делает меня уязвимой. Казалось бы, я уже успела принять ситуацию, многое переосмыслить и отпустить прошлое. Но это оказалось иллюзией.

– Не отзывается и не просится, – сердито фыркаю. – Считаешь, что твоя дочь полная дура?

– Я так не считаю, Оль. Просто волнуюсь. И подумываю, а не использовать ли мне некоторые рычаги влияния, чтобы уничтожить его бизнес?

Мой отец действительно имеет связи и возможности. Но он ещё и жутко принципиален. И тот факт, что он хочет отомстить за разбитое сердце дочери таким образом, даже не злит, а скорее умиляет.

– Стоит поблагодарить его за то, что он сам избавил меня от себя, – коротко заключаю. – И отпустить с миром.

– Слишком легко, как для такого мерзавца.

– Дим, ну хватит, – мама мягко кладёт руку на плечо отца. – Оля говорит дело. Посмотри на неё: умница, красавица. Она в два счёта найдёт себе другого мужчину. Более достойного, чем Константин.

В процесс обсуждения включается и Ира:

– Конечно. Олька, кстати, как-то ра-аз – и вымахала из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. А вспомни, мам, как раньше ты переживала, что у неё ноги колесом и лишний вес.

Щёки обдаёт жаром, и я недовольно толкаю сестру локтем.

– Спасибо за поддержку, моя дружная, токсичная семейка. На этом предлагаю закрыть тему. Я в норме. Правда, в норме.

Праздничный ужин идёт живее, когда обсуждение моего

несостоявшегося жениха наконец заканчивается. Я вливаюсь в разговор, помогаю маме убрать тарелки и вынести десерты, а потом не выдерживаю и тайком открываю сообщение от Лекса.

Я не знаю, кто он. Не знаю, чем живёт и чем занимается. Боже.

Я даже не уверена, что он мужчина. А если мужчина, то кто сказал, что неженатый? Или не гей. Или не импотент. Иначе почему от него нет ни намёка на заинтересованность мной?

Может, потому что у меня стоит безликая аватарка? И я никак не заявила о себе, как о... женщине?

Лекс в пух и прах разносит книгу, которую я ему порекомендовала. Я вспыхиваю, как спичка, и вцепляюсь в телефон.

Но вместо того чтобы парировать, я незаметно делаю под столом фото своих ног в тонких чёрных колготках. Лёгкий матовый отблеск капрона, изящный изгиб щиколотки. Край платья едва приподнят, открывая колени.

Снимок получается эстетичным. Вроде бы ничего откровенного, но в нём я впервые оголяю что-то личное.

Для другого мужчины. Не Кости.

Я смотрю на фотографию ещё пару секунд.

Зажимаю палец.

Удаляю.

Возвращаю снимок из корзины и захожу в диалог с Лек-

сом. Он не в сети, и я не знаю, когда будет. Обычно наши ответы друг другу редко бывают молниеносными.

«Как считаешь, у меня ровные ноги?»

Я отправляю сообщение с прикреплённым фото, меньше всего ожидая, что в ту же секунду, не дав мне опомниться и передумать, Лекс появится онлайн – и мой пульс резко ускорится.

3

Происходящее в родительском доме замирает, когда я осознаю, что Лекс увидел фотографию, которую я ему отправила.

Сердце бешено колотится.

Казалось бы, какое мне дело до того, что подумает какой-то там аноним? Но его затянувшееся молчание, несмотря на то, что он в сети, заставляет меня нервно заёрзать на стуле.

За несколько дней переписки о нём сложилось вполне определённое впечатление. Я придирчива, и мне сложно угодить, но, во-первых, Лекс довольно умный человек, во-вторых, грамотный и не злоупотребляет смайликами и стикерами, в-третьих...

А в-третьих, несмотря на то, что наши мнения во многом не совпадают, дискуссии с ним – особый вид удовольствия. Они затягивают. Именно поэтому я откликнулась на его ком-

ментарий под постом об аресте известного бизнесмена – хотелось сбить с него категоричность. Ценой нескольких часов личного времени.

На основе этих впечатлений в голове сложился определённый образ – молодого, но зрелого и самодостаточного мужчины. С хорошим воспитанием, образованием и, возможно, привлекательной внешностью. Примерно от тридцати до сорока, с небольшими вариациями. В его рассуждениях не было юношеской пылкости, но и устоявшегося безразличия или усталости – тоже.

Хотя в последнем я не могу быть уверена.

Я вообще ни в чём не могу быть уверена.

Но разочаровываться и разоблачать Лекса не входит в мои планы. Только потренироваться и вспомнить, каково это – общаться с мужчинами, потому что после длительных отношений с Костей я успела об этом забыть.

«Надо же, ты девушка», – наконец приходит ответ.

Я впадаю в лёгкий ступор.

Сообщение Лекса вызывает одновременно улыбку и ярость. Поэтому большой палец, соскочивший с боковой кнопки на экран, тут же зажимает снимок, и я безо всякого сожаления удаляю его из диалога.

Пошёл к чёрту.

Не стоило этого делать.

Просто, блин, не стоило.

Всё шло идеально и без этого.

Чтобы исправить положение, я экстренно пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло. Более безопасное. Не выходящее за рамки.

«Зря ты раскритиковал книгу. Мне кажется, просто не твой стиль – или ты до неё ещё не дорос, но это не делает её плохой».

«Похуй на книгу. Верни, пожалуйста, фото».

«Какое ещё фото?»

Мне душно, хотя в родительском доме довольно свежо. Рубашка липнет к спине, с груди срывается шумный выдох.

Плач племянника звучит фоном, как и вопросы мамы, потому что вся моя концентрация сосредоточена на виртуальном диалоге.

«Из того, что я успел рассмотреть – у тебя ровные, стройные и красивые ноги, Оливия. Не знаю, кто или что заставило тебя в этом усомниться».

«Кто».

«Язык бы ему вырвать».

«Это была моя родная сестра».

«Тогда ей».

Я откладываю телефон в сторону, готовясь взорваться от напряжения. Пальцы подрагивают, и когда я наливаю себе сок, несколько капель попадает на белоснежную скатерть.

На сайте знакомств у меня стояло фото в пляжной шляпе с широкими полями и в солнцезащитных очках. Никакого оголённого тела. Никакой выпяченной груди. Тем не менее,

я получала десятки сообщений с комплиментами, после которых хотелось помыться.

Странно, но с Лексом я не испытываю ничего подобного. Возможно, потому что он не опускается до банального пошлого флирта. Его комплимент прозвучал вполне деликатно – но так, что не оставил ни единого сомнения в правдивости.

В десятом часу сестра с детьми и мужем начинает собираться домой.

Захарка капризничает, когда я держу его на руках, и рассерженно молотит кулачками по моим плечам. Ему всего восемь с половиной месяцев, но сил у него хоть отбавляй.

– Ну тих-тихо, – ласково успокаиваю племянника, пока Ира надевает верхнюю одежду. – Не волнуйся, твоя мать не оставит тебя со мной надолго.

Действия Захарки не вызывают во мне раздражения. Ни его слёзы, ни истерика. Ни то, что за сегодняшний вечер волос на моей голове заметно поубавилось. Возможно, потому что я давно и сильно хотела детей от Кости. Не просто хотела, а постоянно представляла, какими они будут.

Когда в доме воцаряется тишина, я возвращаюсь в гостиную и помогаю маме убрать остатки посуды в мойку. В последнее время я редко приезжала к родителям, а когда оставалась ночевать – даже не вспомню. Но сегодня я хочу подняться в комнату, которую до сих пор считаю своей, и отоспаться там минимум до обеда.

– Оля, как у тебя дела на работе? – спрашивает отец, когда я прохожу мимо его кабинета, оборудованного на первом этаже. – Никто не обижает?

Вопрос звучит буднично, но я узнаю в нём привычную отцовскую настороженность. Он не из тех, кто станет лезть с советами или нянчиться, но если бы я ответила утвердительно, уверена, решение проблемы появилось бы быстрее, чем я поднимусь наверх.

– Всё в порядке, – отвечаю, прижимаясь плечом к дверному косяку.

– А если серьёзно?

– Ну а что ты хочешь услышать? – грустно усмехаюсь. – Что коллеги смотрят на меня, как на дочь Белогорского, а не как на специалиста? Что прокурор из соседнего кабинета до сих пор убеждён, будто я ни одного дела не довела бы до суда, если бы не фамилия? Что любой успех – это не я, а твои связи и доступ к ресурсам?

Отец делает глоток кофе, слегка морщась – судя по пару, напиток ещё слишком горячий.

– Меня не волнует, что думают твои коллеги, – говорит он спокойно. – Меня волнует, что думаешь ты.

– Я думаю, что фамилия скорее якорь, чем билет для карьерного роста.

– Ирину она не смущает.

– Ирина её сменила и почти не вылезает из декрета, поэтому сложно сказать, что она столкнулась с тем же, что и я.

– Ну извини.

– Это ты меня извини, – качаю головой. – Я не должна была этого говорить. На работе всё в порядке, но иногда мне кажется, что я воюю исключительно с чужими предубеждениями.

Так было в университете, и так продолжается на работе. Мне стоило выбрать другую сферу, но в нашей семье абсолютно все так или иначе связаны с юриспруденцией – и, кажется, другого пути для меня просто не существовало.

Получив несколько советов от отца, который не видит в проблеме ничего катастрофического, я поднимаюсь на второй этаж, запираюсь на замок и, не снимая юбку и рубашку, падаю на свежую постель.

Лекс в сети. От него светится сообщение. После той переписки, свернувшей в другую сторону, остаётся ощущение недосказанности, которое хочется исправить.

«Ты загрузила мой мозг похлеще, чем когда рассуждала о теневых схемах, Оливка. Теперь у меня масса вопросов. У девушек не принято о таком спрашивать, но можно я угадаю? Тебе лет двадцать пять?»

«Это ты по длине ступней определил?».

«По остроте коленок».

Окей, получается, он знает, что я девушка, у меня стройные ноги и вполне сможет прикинуть мой возраст. Плюс-минус.

Что знаю я?

«Мне двадцать восемь. А тебе?»

«Чуть старше, Оливия. Тридцать два».

«А ты... точно мужчина?»

Я не понимаю, чего жду от этой переписки, но каждый раз, когда над именем Лекса светится значок онлайн, я осознаю, что не могу оторваться. Меня увлекает вопреки логике и здравому смыслу.

«Я сейчас на встрече, но когда освобожусь могу отправить тебе фото своих волосатых ног».

Приснув от смеха, перекатываюсь на другую половину кровати. Я абсолютно не творческий человек, но фантазия работает на полную, дорисовывая детали образа. Волосы... не только на его ногах, но и на теле, которое я представляю идеальным. Лекс, к счастью, не из тех, кто станет заваливать девушку дикпиками. Но идея равноценного обмена, похоже, его бы не смутила.

«Пожалуй, поверю тебе на слово. Но буду признательна, если ты пришлёшь мне свой топ книг, как и обещал».

4

Сделав шаг, я подставляю лицо под поток воды, смывая с тела ароматную пену.

Сквозь стеклянную перегородку душевой кабины хорошо видно телефон, лежащий на краю раковины, экраном вверх. Ночь выдалась бессонной – я почти до утра читала книгу,

которую порекомендовал Лекс. Она оказалась захватывающей, и я составила целую рецензию на две тысячи знаков, но не удержалась от пары циничных замечаний.

Удивительно другое...

Казалось бы, я взрослая, независимая девушка. Не испытывающая проблем с коммуникацией и не страдающая от нехватки мужского внимания.

И всё же я искренне недоумеваю, почему даже в душе мне сложно оторваться от экрана в ожидании входящего сообщения.

Лекс не заходил в сеть после полуночи. Сегодня выходной, и вполне возможно, он проводит его с женой или девушкой. Тридцать два года – отличный возраст, чтобы обзавестись семьёй и детьми. Скорее удивительно, если у него никого нет.

Я могла бы узнать об этом и многом другом. Могла бы, но струсилa и свернула с личных тем на более просветлённые, хотя мне действительно было интересно увидеть хоть какую-то часть его тела.

Что такое мужские волосы на ногах или груди – я не знаю, потому что Костя убирал их ради удобства в спортзале.

Все ощущения необычные. Новые.

Мне нравится состояние, в котором я снова чувствую себя живой после измены и предательства. Наверное, было бы неплохо продлить его как можно дольше – пока я окончательно не выберусь из той пустоты, что осталась после быв-

шего, заполнив её чем-то другим.

Переодевшись в домашний костюм – топ с рукавами-фонариками и шорты, – я спускаюсь на первый этаж родительского дома, пролистывая переписку и пытаюсь понять, почему Лекс до сих пор молчит.

И только столкнувшись с мамой, окончательно возвращаюсь в реальный мир.

– Доброе утро, Оль, – она ласково обнимает меня за плечи. – Я приготовила завтрак, но сразу предупреждаю: у нас гость, папин коллега. Ты его не знаешь – он недавно пришёл в министерство.

– Ясно, – киваю, опуская взгляд на телефон.

На мою рецензию приходит долгожданный отклик, и сердце, как по команде, ускоряется.

– Обрати на него внимание, солнышко... Хороший мужчина. Вежливый, трудолюбивый, галантный.

Мамин голос звучит мне вдогонку, и я, незаметно для неё, закатываю глаза.

Мы познакомились с Костей совершенно случайно – в тот вечер, когда я с сокурсниками отмечала защиту диплома в одном из столичных ночных клубов. У меня были чёткие планы на лето: устроиться помощником прокурора в районную прокуратуру. Об отношениях я не думала, несмотря на то, что мне было двадцать два и я всё ещё оставалась девственницей.

Костя был далёк от юриспруденции. Он работал тренером

в фитнес-клубе, но вскоре открыл два своих.

Родители никогда не скрывали недовольства моим выбором. Я даже познакомила их далеко не сразу, прекрасно понимая, как они отреагируют.

Возможно, в их оценке была толика правды, и Костя действительно оказался мне неподходящей парой. Но я бы этого не узнала, если бы не попробовала.

Первое, на что натывается мой взгляд, когда я захожу на кухню, – синяя рубашка, небрежно заправленная в брюки. Закатанные до локтей рукава открывают запястья, на которых проступают тонкие жилки. Тёмные волосы коротко подстрижены, но в фигуре и внешности гостя нет ничего, что могло бы привлечь интерес.

Когда Юрий оборачивается, я лишь убеждаюсь в этом. Правильные черты, спокойное выражение лица – ни одной детали, способной вызвать равнодушное впечатление. Даже минимальное учащение пульса.

Зато его глаза резко опускаются вниз – к узкой полоске оголенной кожи между топом и шортами, а затем с заметным усилием возвращаются к моему лицу.

– Здравствуйте, Ольга, – мужчина приподнимается со стула, протягивая мне руку. Его ладонь тёплая и сухая. Рукопожатие уверенное, но не слишком сильное. – Меня зовут Юра. Юрий Николаевич Волошин.

– Очень приятно. Моё имя вы уже знаете.

Я не задерживаюсь на одном месте и прохожу за кухонный

островок, ощущая на себе цепкое внимание отца, наблюдающего за ситуацией.

– Кофе будете?

– Спасибо, мне уже сделала Нина Григорьевна.

– Ладно.

Отложив телефон, на экране которого светятся три непрочитанных сообщения, и едва сдерживая желание открыть их прямо сейчас, я отворачиваюсь к кофемашине, протягивая руку к капсулам.

Отец общается с Юрием доброжелательным, почти дружеским тоном, несмотря на то, что разговор касается исключительно рабочих дел. Не знаю, в чём была необходимость встречаться в домашней обстановке, но это проясняется, когда гость начинает собираться.

– Оль, может, тебя подкинуть до города? – спрашивает отец, указывая на коллегу.

– Уже выгоняешь?

– Ну что ты, милая!

Я слишком хорошо разбираюсь в этом тоне. В этом хриплом смехе. В его завуалированных послых. Во всём.

Мне не восемнадцать, чтобы не понимать: родители хотят передать меня в руки более серьёзного мужчины после Кости, который за пять лет отношений так и не соизволил сделать мне предложение, а потом и вовсе начал потрахивать модель из своего фитнес-клуба.

Вполне возможно, она была не первой.

Но раз мне не восемнадцать, у меня есть полное право не соглашаться. С чем-либо, что мне претит.

– Ты всегда учил меня не садиться в машину к незнакомым мужчинам, – широко улыбаюсь, скрещивая руки на груди. – Я доберусь до города самостоятельно, спасибо.

– До свидания, Ольга, – кивает папин коллега, не настаивая. И я мысленно ставлю ему за это плюс. – Был рад знакомству.

Как только за ним закрывается входная дверь, отец шумно выдыхает и недовольно покачивает головой.

– Ну и что тебе в нём не понравилось?

– Я никуда не тороплюсь. Вдруг у вас ещё есть для меня претенденты?

– Других нет.

– А что так? – иронично хмыкаю.

За годы учёбы в университете и работы в прокуратуре я не раз встречала мужчин, пытавшихся воспользоваться моим положением – или, вернее, положением моего отца. Я видела таких насквозь. Видела и моментально отшивала. Именно поэтому выбор Кости – человека из другой профессии – казался мне идеальным вариантом. До поры до времени.

– Оль... Я вижу, как тебе сложно после расставания с мужчиной твоей мечты, – с лёгкой издевкой замечает отец. – А у Волошина масса положительных качеств. Отличная карьера, перспективы, и он не первый год в системе.

– Да уж, звучит вдохновляюще.

Я отворачиваюсь, гремя посудой.

– У него приличная семья, – следует продолжение. – Отец – адвокат, мать – профессор в академии. Воспитан как порядочный человек, умеет брать на себя ответственность. Разве не этого тебе не хватало в прошлых отношениях?

Я хочу сказать, что здорово отвлекаюсь от боли с помощью Лекса, но вовремя прикусываю язык. Вероятнее всего, это прозвучит смешно и наивно. Будто я выбрала самый отстойный и ненадёжный способ из всех возможных, чтобы забыть.

– Я дал твой номер Юре, – заключает отец.

– Вот чёрт...

– Когда позвонит, будь так добра, не воспринимай его в штыки и хотя бы попробуй сходить с ним на свидание.

5

Вся следующая неделя у меня расписана по минутам: суды, допросы, проверки и совещания. Времени на нормальный перерыв не остаётся, поэтому я откладываю встречу с Юрием до вечера пятницы.

Во вторник и четверг он отправил мне цветы с доставкой на дом, заранее уточнив, какие я люблю. Это оказалось довольно практично: например, от запаха лилий у меня всегда раскалывается голова – такие букеты я бы без сожаления выбросила в мусорное ведро. А вот ирисы и тюльпаны стоят и

радуют глаз.

Юрий встречает меня у здания прокуратуры возле серого тонированного седана, запрокинув голову и рассеянно разглядывая окна.

– Мой кабинет на третьем этаже, – говорю, подходя ближе. – Привет!

Он заметно меняется в лице, когда наконец видит меня. Его взгляд скользит от макушки до пят, задерживаясь на слегка усталых глазах.

На мне деловой костюм – юбка и пиджак, сверху накинуто пальто. Макияж минимальный, а волосы мягкой волной лежат на плечах – я распустила пучок всего за несколько минут до встречи.

Я бы с радостью заехала домой переодеться во что-то более нарядное, но боюсь, после этого мне вообще не захочется выходить. Перспектива укутаться в тёплый плед перед телевизором прельщает куда больше. К сожалению.

В ресторане, куда меня привозит папин коллега, тихо и малоллюдно. Я не знаю, каким образом Юре удалось найти уединённое место в это время, но после насыщенного рабочего дня, когда в голове всё ещё пульсируют отголоски последних разбирательств, такая атмосфера – то, что нужно.

Честно говоря, я вовсе не собиралась отвечать на звонок Волошина, когда он позвонил впервые. Спонтанно. Без предупреждения. Я предпочитаю сообщения – мне гораздо комфортнее, когда собеседник сначала уточняет, можно ли зво-

нить, и только потом набирает.

В чувства меня привела подруга Карина, с которой мы дружим ещё со школы. Она, как и ожидалось, скривилась, когда я рассказала ей о Лексе, и привела множество весомых доводов, почему адекватный мужчина не ведёт долгих переписок в сети, не обсуждает книги и фильмы.

С ним явно что-то не так. Что именно – понять сложно, но вполне вероятно, что даже про возраст мой аноним мог соврать, ведь свой он озвучил только после того, как я призналась, сколько мне лет.

В этом была доля адекватности. В этом была какая-то логика. Переписка в сети и реальность – разные вещи. Именно поэтому я сижу напротив Юрия, пытаюсь найти в нём плюсы. Потому что, по мнению отца, он – идеальный кандидат для меня.

Возможно, я чего-то не понимаю в этой жизни. Особенно во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Но мне кажется, что должна быть искра, которая прожигает разум и оставляет только инстинкты. Без неё – это просто соглашение, удобный союз. Но разве любовь – про удобство?

Или я слишком много хочу?

– Мы с родителями часто бываем в этом заведении, – рассказывает Юра после того, как делает заказ. – Мама обожает итальянскую кухню и каждый выходной пытается вытащить на семейный ужин меня, брата и отца.

– О, так я помешала вашим планам? – неловко поправляю

салфетку.

– Нет, что ты. Иногда я могу себе позволить отлынивать.

– Ну слава богу!

Дальше мы говорим о семье Волошиных. Оказывается, мать Юры преподавала в том же вузе, где я училась. Я даже сдавала ей пару экзаменов. Всё, что помню, – она строга, принципиальна и своенравна. Мои подруги бегали к ней на пересдачу множество раз. И каждый раз уходили в слезах и истерике.

Я тоже привязана к своей семье, но по мере разговора – спокойного и вязкого, как патока – осознаю, что Юра как-то чересчур. Его родители знают, что он на свидании. Они в курсе моего имени и фамилии, заочно одобрили встречу и даже пригласили меня в воскресенье на барбекю.

Когда официант приносит заказ, я приступаю к ужину, чувствуя сильный голод, который хочется хоть чем-то перебить.

Папин коллега делает глоток воды с лимоном и резко кривится. Мне кажется, что я читаю в его эмоциях каплю агрессии. Едва уловимую вспышку, которая исчезает так же быстро, как и появилась.

– Мне подали сладкую газированную воду, – качает головой Юра. – А я просил минеральную. Одну минуту, Ольга. Схожу уточню.

Оставшись одна, я откидываюсь на спинку дивана и шумно вздыхаю. Не могу сказать, что испытываю стойкое непри-

нятие, но как продолжать общение – понятия не имею.

Дело не в Юре, а во мне. Скорее всего, после переписки с Лексом мне хочется больше экшена в общении – несогласия, дискуссий, споров. А здесь штиль, вежливые фразы и предсказуемые ответы по заученному сценарию.

«Назови три причины, по которым первое свидание с девушкой стало бы последним», – пишу своему анониму, сползая на диване чуть ниже.

Лекс появляется в сети, и разгон пульса происходит автоматически. Он не торопится с ответом – очевидно, раздумывая, потому что я снова вышла за рамки и поставила его в тупик.

«Ты сейчас на свидании?».

«Я первая спросила».

«Не знаю. Давно никуда не ходил, Оливия».

«А если подумать?».

«Наверное, закончил бы после первой встречи, если девушка жует с открытым ртом, заливает в себя слишком много алкоголя и постоянно сравнивает меня с бывшим. Это первое, что пришло в голову».

Забавно, но я сравнивала Юру не с бывшим, а с Лексом, хотя ни разу не видела, как он выглядит. Это неправильно и нелогично, но я ничего не могу с собой поделать.

«Ты абсолютно неприхотлив, Лекс», – пишу ему.

«Теперь ответишь на мой вопрос?»

К столу возвращается Юрий и ставит бутылку минераль-

ной воды, широко улыбаясь. Боковым зрением я заметила, как у бара он активно жестикулировал, отчитывая официантку. Единственное, чего мне хотелось в тот момент, – раствориться и исчезнуть. А лучше – провалиться сквозь землю.

– Владелец заведения лично извинился за причинённые неудобства, – довольным тоном сообщает папин коллега. – Минералку вручили бесплатно в качестве компенсации.

– М-м, здорово. Ты что, им показал свою корочку?

– Ну а как же. Если есть привилегии, то почему бы ими не воспользоваться, Оленька?

Я опускаю взгляд в телефон и замечаю, что Лекс по-прежнему в сети.

Лично для меня стоп-фактором на первом свидании всегда был бы человек, который увлечённо проводит вечер в телефоне. Возможно, Юрий это заметит. И больше никогда меня не пригласит. И не станет слать цветы – потому что я чувствую себя обязанной.

«Да, я с мужчиной, Лекс. На первом свидании за долгие годы», – быстро пробегаю пальцами по виртуальной клавиатуре.

Отец будет недоволен, если я расскажу, как всё прошло с Волошиным. Он явно хотел для меня лучшего, но для него лучшее – это стабильность и статус. Возможно, человек с опытом разбирается в этом больше, чем я, и это действительно важно. Проблема в том, что меня передёргивает при мыс-

ли, что Юрий мог бы попытаться меня поцеловать.

Мне предлагают десерт. После того как я отказываюсь, папин коллега зовёт официантку и просит упаковать остатки моего ужина в бумажный контейнер.

Я ёрзаю на диване, испытывая неловкость. Все мои отговорки о том, что я наелась, опровергаются железным аргументом: еда не должна пропадать.

Телефон вибрирует, и я жадно впииваюсь пальцами в стакан, опуская взгляд под стол.

Буквально на секунду.

Предложение Лекса заставляет вспыхнуть ярким огнём, который атакует меня изнутри, разливаясь жаром по шее, щекам и кончикам ушей.

«Напиши свой адрес, Оливка».

«Зачем?»

Я не дура, но сейчас должна убедиться, правильно ли всё поняла.

«Хочу забрать тебя оттуда. Судя по твоему настроению, это далеко не свидание мечты, и второго шанса уже не предвидится».

На последнем слове меня пробивает дрожь. Заманчивое предложение рисуется слишком ярко. Слишком реально. Слово Лекса – не просто текст на экране, а низкий, хрипловатый голос, звучащий прямо у моего уха.

Но где гарантия, что аноним разочарует меня меньше Юрия? И где уверенность, что я не разочарую анонима?

«Я не в плену, спасибо. И всё не так плохо, как тебе кажется», – отвечаю и прячу телефон в сумку.

6

Александр

Яр бронирует лаундж-зону в «Бочке» на субботний вечер, чтобы сыграть несколько партий в покер.

Это вряд ли похоже на серьёзную игру с высокими ставками – скорее, просто азарт, расслабление и отдых. Но мне такое времяпровождение по душе.

До развода я почти никуда не выбирался с друзьями – разве что по большим праздникам, с головой погружаясь в семейные заботы и бытовые хлопоты. За четыре года таких встреч можно было пересчитать по пальцам одной руки. Как они не вычеркнули меня из компании – ума не приложу. Теперь я вроде как навёрстываю. Уже второй год навёрстываю – и останавливаться не собираюсь.

Лаундж-зона отделена от главного зала деревянной перегородкой. Свет слегка приглушён. В воздухе смешивается аромат табака, алкоголя и сладкого кальяна. Ненавязчивая ритмичная музыка идеально вписывается в общую атмосферу.

В центре внимания – низкий, но вместительный журнальный стол, усыпанный картами и фишками. Вокруг него рас-

положились четверо моих друзей, устроившись на удобных диванах и креслах. Я в этом баре впервые, но с удовольствием заглянул бы сюда ещё раз.

Мы обсуждаем прошедшую неделю, перебивая друг друга и отпивая из бокалов.

Друзья в курсе, что у меня были кое-какие недоразумения в офисе. Его проверили вдоль и поперёк на наличие прослушки, камер и прочей ерунды, но, конечно, ничего не нашли. Я до сих пор жду удара, оставаясь в напряжении, хотя уже значительно меньше. Так хуёво с терпением у меня не было, кажется, никогда.

– Формально на тебя ничего нет, Сань, – говорит Яр, постукивая ботинком по полу. – Но они что-то ищут, и у них есть причина. Ты знаешь, о чём речь?

Я молчу, перекатывая фишку между пальцами.

– Понял, неважно. Нужно попробовать выяснить, кто инициировал прослушку и наружку.

– Адвокат пытался, но всё чисто, – передёргиваю плечами. – Либо дело в закрытом реестре, либо всё оформлено так, что следов просто нет.

– Почисти ближайшее окружение, Сань. Если тебя ведут, значит, кто-то либо слил информацию, либо помог её добыть. Как я понимаю, вариант исчезнуть ты категорически не рассматриваешь?

– Нет... Нет, пока не рассматриваю.

Разговор прерывается, когда в заведении появляется де-

вушка Ярослава вместе с подругами.

С Настей – высокой зеленоглазой блондинкой – я уже знаком.

Месяц назад, после похожей встречи, мы отправились продолжать вечер к ней домой. Не то чтобы это что-то значило, просто глупо было не воспользоваться моментом.

Она тогда была в коротком платье, с чуть растрёпанными волосами и ленивой улыбкой, которая обещала больше, чем говорили слова. А на следующий день мы разошлись без драм и претензий, каждый по своим делам. Я даже не взял у неё номер, но был уверен, что видимся не в последний раз.

– О, девочки, проходите, – восклицает Антон, взмахивая рукой.

Заметив меня, Настя прикусывает губу, пряча улыбку. Взгляд короткий, чуть неловкий – она оценивает, помню ли я ту ночь. И какие у нас перспективы на сегодня. Я тоже оцениваю – её настроение и намёки.

– Играете серьёзно или просто фишки по столу гоняете? – интересуется она, скользя глазами по картам и выпивке.

Коктейль в её руке, кажется, даже не колышется. Опустившись на диван рядом со мной, Настя закидывает ногу на ногу, выдерживая дистанцию. Пахнет легко, узнаваемо. Я люблю, когда от девушки приятно пахнет – возможно, это мой фетиш. Особенно, когда аромат едва уловимо цепляется за кожу, вызывая заметный, настойчивый отклик в паху.

– Скорее второе, – отвечаю я, потянувшись к стакану. –

Если хочешь попробовать, могу уступить.

Откинувшись на спинку дивана, зависаю и невольно кошусь на длинные ноги.

Избавиться от ассоциаций с Оливией сложно. С того самого момента, как я оказался в баре, начал всматриваться в чужие лица, пытаюсь чисто теоретически прикинуть: могла бы она здесь бывать? В мужском, прокуренном заведении? Смог бы я распознать её исключительно по коленкам и щиколоткам, которые мне дали увидеть буквально мельком?

У меня навязчивая, почти параноидальная идея, хотя в такой сложный период я бы предпочёл думать о чём-то другом, а не о том, есть ли у нас шанс пересечься в многомиллионном городе, если Оливия не даёт ни геолокаций, ни каких-либо конкретных данных.

В следующий раз, если удастся заполучить ещё одну фотографию, нужно будет сразу же сделать скрин.

После второго коктейля Настя смелеет, пододвигается ближе и рисует невидимые узоры на моей кисти. Движения невесомые, плавные. Я позволяю, но не спешу делать то же самое.

– Насть, а ты когда-нибудь читала Джорджа Оруэлла? – задумчиво спрашиваю, вытягивая ноги под столом.

Девушка тихо смеётся, утыкаясь лицом в моё плечо – и это, в общем-то, довольно красноречивый ответ. Искать в ней Оливию – всё равно что ловить пальцами воздух. Так же бессмысленно.

– Нет, а кто это, Саш?

– В другой раз расскажу.

– Хорошо... Договорились.

Я знаю об Оливии немного, но в то же время достаточно, чтобы сложить хоть какую-то картину. Она на четыре года младше меня. Достаточно эрудирована. Ментально зрелая. Периодами категорична и принципиальна. Кажется, не состоит в отношениях. Живёт в одном со мной городе и ходит по тем же улицам. Это и не только мне стало известно, когда она постфактум сообщила, что была на фотовыставке в галерее – прямо рядом с моим офисом.

А ещё я почему-то уверен, что она красивая.

Девушка с такими мозгами и такими ногами просто не может быть некрасивой. В сознании формируется вполне привлекательный образ – настолько, что желание увидеть её только усиливается. И я бы без раздумий приехал за ней вчера, несмотря на рабочий завал.

«Ты не будешь спать, если я напишу тебе после полуночи?» – набираю сообщение в тот момент, когда Настя тянется губами к моей шее, согревая прерывистым дыханием.

Оливия появляется онлайн и долго что-то печатает. Я обещал сказать ей название книги, которая оставила хорошее впечатление, чтобы сравнить, об одной и той же ли мы говорим. Она лежит у меня дома в печатном варианте, и я планировал сфотографировать обложку, потому что название вылетело из головы.

«Почему не сейчас?»

«В данный момент я в баре».

«На свидании?»

«Я же сказал, что не хожу на свидания. Со вчерашнего дня ничего не изменилось».

«Женат?»

«Холостяк. В разводе».

Настя удобно устраивается на диване и закидывает ноги мне на колени – непринуждённо, без лишних церемоний.

Тёплая кожа, тонкая ткань чулок или колготок, лёгкое давление – вроде бы ничего особенного, но всё равно привлекает внимание. Я ненадолго отрываюсь от экрана, чтобы провести ладонью по женскому бедру и сжать чуть сильнее, наслаждаясь мягкостью и едва заметным напряжением под рукой.

«Ясно. Нет, я не буду спать, Лекс».

Алкоголь стекает по горлу в желудок. Карты давно заброшены, а компания распалась на небольшие группы.

Я не знаю, насколько это адекватно – испытывать интерес к незнакомке по переписке, но он в разы сильнее, чем к знакомой и уже понятной рядом Насте.

«Что тебе ясно?», – спрашиваю напрямую.

«Озвучить?»

«Разумеется».

«Ясно, что ты не ходишь на свидания, потому что предпочитаешь необременительные или даже одноразовые связи. И

что ты сейчас с девушкой. Я угадала?»

7

Вопрос Оливии звучит вовсе не как вопрос – скорее, как констатация факта.

После развода я действительно не заводил серьёзных отношений и даже не собирался. В ближайшие годы – так точно. О том, какие связи предпочитает сама Оливия – одноразовые или не очень – не уточняю, но почему-то уверен, что ей это претит.

Я, блядь, скоро по буквам начну читать намёки и интонации в тексте.

«Да, угадала».

Сообщение улетает раньше, чем я успеваю обдумать, стоило ли вообще признаваться в том, как провожу свой досуг. Но после короткой паузы телефон снова оживает:

«Она красивая?»

Бросаю взгляд на Настю и ненадолго подвисяю. Спускаюсь от шеи ниже – к груди, выразительной талии и бесконечно длинным ногам в чёрных лаковых туфлях на убийственной шпильке. Она звонко смеётся, салютуя бокалом подруге, запрокидывает голову и демонстрирует белоснежные зубы.

«Не знаю, наверное», – слегка увиливаю.

«Как это ты не знаешь? У тебя же есть какие-то предпочтения? Она в твоём вкусе?»

Я открываю камеру и снимаю короткий ролик – в кадре моя ладонь, скользящая по ногам. Девушка с коктейлем, повернувшаяся в профиль. Фоном – стол с фишками, картами и алкоголем. Из меня так себе видеограф, но Оливия реагирует на вложение моментальным лайком.

«Шикарная у вас тусовка».

«Нормальная».

«Никогда раньше не обращала внимания на чьи-то руки, но твои выглядят... впечатляюще. И не прибедняйся, Лекс. Девушка, которую ты гладишь, – очаровательная».

Я хочу написать, что в любой момент – стоит ей только дать знак – могу отменить намеченные планы и встретиться с ней в нейтральном месте.

Не только в нейтральном – где угодно.

Я не против пригласить её домой, если не испугается. Но не знаю, насколько это будет уместно.

Задумчиво отбиваю ритм пяткой.

Я никогда не общался по перепискам. Даже на сайте знакомств ни разу не регистрировался. Даже когда было пиздец как тошно после развода. В какой-то степени Оливия – мой первый подобный опыт. И чтобы не скатиться к «в душ и без меня», приходится постоянно себя одёргивать.

«Давай, я тебе свою впечатляющую руку, а ты мне – что-нибудь не менее интересное. Так и сложим пазл».

«Если ты мечешься между своей спутницей и мной, я, пожалуй, уступлю ей».

«Одно фото, Оливка. Любое. В прошлый раз я правда не успел как следует рассмотреть, но то, что запомнил, – надолго отпечаталось в памяти».

Настя снимает обувь и капризно упирается ступнями в мой бок, требуя, чтобы я продолжил её трогать. Но, несмотря на то, что в паху простреливает от похоти, она направлена совсем не на неё.

Походу, я тронулся, потому что фантазия создаёт образ из ничего. Дорисовывает очертания вслепую – а потом не только их. Цвет волос, цвет глаз. Губы. Фигуру. Голос. Даже то, что скрыто выше юбки, у самой развилки между ног, представляю почти правдоподобно.

«Ставлю на то, что даже без моего фото у тебя будет отличная ночь, Лекс».

«По временным рамкам – насчёт ночи ты сильно загнула».

«Опять прибедняешься?»

Резко тру лицо и ударяюсь затылком о спинку дивана.

«Прости, кем ты работаешь? Не экстрасенсом случайно?»

Чтобы отвлечь Настю, настойчиво требующую моего внимания, всучиваю ей меню. Тонкие пальцы пробегаются по моему предплечью, но я остаюсь неподвижным, не подавая сигнала и уткнувшись глазами в телефон.

«Мимо, Лекс. Воспитателем детского сада. По второму образованию я психолог».

Воспитатель-психолог пропадает из сети так же резко, как и появилась, оставляя неотвеченным моё сообщение с пред-

ложением изменить сценарий, который она сама себе придумала.

Это в её силах. В её возможностях. Вполне вероятно, я слишком давлю, но выпитый алкоголь заставляет меня переть как танк, не особо задумываясь об уместности и такте.

– Са-аш, я могу заказать сет из устриц? – спрашивает Настя, опустив ступни на пол.

– Да, конечно, – кручу в руках телефон.

– И коктейль из чёрной малины?

– Само собой.

Лет десять назад о том, чтобы позволить себе коктейль за сто баксов, я даже мечтать не мог.

Я родился в бедной семье. Детство прошло в экономии на всём: от новых кроссовок до нормального ужина. Денег хватало ровно на то, чтобы не ходить голодным, а любая прихоть – даже самая мелкая – казалась непозволительной роскошью. Заказы, не подбивая мелочь, тогда существовали только в кино.

Периодически я ловлю себя на том, что даже сейчас, когда могу позволить себе всё, что захочу, автоматически проверяю баланс на карте. Не из жлобства – просто до сих пор не верится. Кажется, моргну – и всё исчезнет: годы стараний, риска, взлётов и падений.

Вероятно, у меня синдром самозванца. Синдром, при котором возникает ощущение, что я не по праву оказался в другой, сытой жизни и в любой момент всё может рухнуть,

заставив меня снова экономить.

Именно поэтому я не закрываю некоторые вопросы – особенно тот, что касается незаконности моих действий. Не исключено, что он может стоять мне свободы.

Оставаясь на месте, я слежу за тем, как Настя начинает танцевать, двигая бёдрами прямо перед моим лицом. Глубокий вырез на спине открывает линию позвоночника и гладкую кожу, подсвеченную мягким светом.

Ставка на то, что у нас будет секс, очевидна. Для меня, для Оливии, для Насти. Для всех присутствующих друзей и не только.

Я одеваюсь, вызывая такси в приложении.

Жду на улице, пока Настя припудрит нос вместе с подругами, заодно обсуждая меня, перспективы или что-то другое. Девушка Яра наверняка попробует её отговорить, только вряд ли это сработает.

Холодный весенний воздух немного проясняет голову, но не настолько, чтобы вернуть мысли в привычное русло.

Я смотрю на экран телефона, проверяя, сколько осталось до приезда машины, и ловлю себя на том, что жду совсем другого уведомления.

Моё сообщение с предложением остаётся висеть непрочитанным. Оно... до сих пор в силе. Наверное, я был груб, когда чуть ли не в лоб предложил Оливке потрахаться, но ничего другого предложить не получается, когда наше общение заходит за рамки. Причём первым их нарушаю не я. И

устанавливаю тоже не я.

Водитель сосредоточенно следит за дорогой, пока Настя, не повышая голоса, шёпотом пересказывает то, что хотела бы повторить из прошлого раза.

Она запускает пальцы в мои волосы, а я нахожу в темноте податливые губы. Под ладонью – тёплая кожа. Приятная, покрытая мурашками. Я убеждаюсь в том, что на ней чулки, а не колготки, и что причиной отойти в уборную был вовсе не повод припудрить нос.

Скрипнув зубами, я провожу Настю до подъезда, взяв номер телефона, который даже не вбиваю в контакты. Разочарование между нами слишком явное, чтобы нормально попрощаться. Будет ли у нас следующая встреча – не уверен, но ей об этом знать не обязательно.

Неосознанное стремление сопротивляться очевидному, даже когда проще поддаться, адски бесит. Это не про упрямство. Это про то, что я сам себе усложняю жизнь.

Как бы ни бился во мне здравый смысл, уговаривая подняться на седьмой этаж, пока не поздно, я называю водителю домашний адрес.

Квартира встречает привычной тишиной, и я, скидывая обувь в прихожей и бросая ключи на тумбу, прохожу по коридору в поисках той самой злобучей книги.

Она находится не сразу. И даже тот факт, что, оказывается, мы с Оливией не совпали в названии, не останавливает меня от того, чтобы сделать фото обложки.

Я не люблю чувствовать себя дебилом, но с выпирающей ширинкой и, будучи не совсем удовлетворённым развернувшимися событиями, именно им себя и чувствую, отправляя Оливии снимок с короткой припиской:

«Мы говорили о разном».

Она не в сети. И, похоже, не планирует появляться.

Я злюсь, швыряю книгу на диван и иду на кухню – заглушить эмоции алкоголем. Никогда так не делаю, но в этот раз записываю голосовое сообщение – чтобы было быстрее:

«И, кстати, хуевый из тебя психолог, Оливия. Хуевый – потому что твоя ставка не сработала».

8

Ольга

«Так чем закончилось свидание?» – спрашивает Лекс, пока я переписываюсь с ним в пробке, опаздывая на встречу с Кариной.

Я знаю, что его «несвидание» с красивой блондинкой сорвалось. Он рассказал об этом ночью – в аудиосообщении. Довольно грубо и резко. И я не думаю, что в этом была его вина по каким-либо причинам.

Кажется, он из тех мужчин, которые легко привлекают девушек – и те готовы дать ему всё, что он пожелает.

Эта мысль в очередной раз заставляет меня пасовать пе-

ред тем, чтобы раскрыть свою личность или отправить фото. Стать одной из многих. Вряд ли я смогу удивить своего анонима, ведь за свою холостяцкую жизнь он, похоже, видел достаточно интересного, а конкурировать за внимание – последнее, чем мне хотелось бы заниматься.

Теперь я знаю, что Лекс действительно тридцатидвухлетний мужчина – с ухоженными руками, на которых проступают рельефные вены, длинными пальцами и глубоким хрипловатым голосом. Я переслушала его аудиосообщение раз сто – и уверена, что переслушаю ещё столько же.

А видео... я затёрла до дыр. Особенно ночью. То, как он лениво поглаживал женскую ногу, вызывало внизу живота приятную щекотку, будто от крыльев бабочек.

«Ничем. Это было первое и последнее свидание, несмотря на то, что кандидат дико нравится моим родителям. Они мечтали бы, чтобы мы поженились, но увы», – печатаю ответ.

«Кто у тебя родители, Оливия?»

«Они очень влиятельные люди, Лекс. И зятя хотели бы соответствующего – с нормальной родословной, образованием и карьерой».

«Понял. Значит, я вряд ли им понравлюсь».

В спину сигналият машины, и я ненадолго прерываюсь, но уже через пару сотен метров снова упираюсь в пробку и сразу тянусь к телефону. Это больше, чем зависимость. Потребность. Особенно теперь, когда я узнала о Лексе больше.

Наивно хочется верить, что причиной провала «несвида-

ния» была именно я.

«По каким критериям не подходишь?», – удивленно переспрашиваю.

«По всем. Родословная херовая – родители запойные алкоголики. Высшего образования нет».

«А карьера?»

«Ну, раз ты воспитатель детского сада, то я – водитель маршрутки».

С улыбкой пробегаюсь по буквам, зная, что это неправда. Как и то, что сказала я. Не нужно быть особенно наблюдательной, чтобы заметить, в каких местах отдыхает Лекс, с какого уровня девушками и какой ремонт в его квартире – на снимке с книгой я увидела кусочек. И не могу сказать, что он хоть в чём-то уступает моему.

«Я видела твоих пассажиров, Лекс. Такое впечатление, что вход в маршрутку только по длине ног и глубине декольте».

Припарковавшись у бордюра возле центрального входа в кофейню, где варят самый вкусный кофе и пекут нежнейшие круассаны в городе, я прячу телефон в сумку и выхожу на улицу.

Встречи с Кариной случаются не так часто, чтобы отвлекаться на переписку, которая вполне может подождать. К тому же, я опоздала ровно на полчаса.

Как только я попадаю в заведение, задев дверью колокольчик, недовольство буквально читается на лице подруги.

Мы вместе учились в школе, а потом поступили в один вуз, но Каро не доучилась – спустя два года ушла в декрет. Она обещала, что обязательно завершит обучение, однако ещё через два года снова забеременела. Теперь она мама двух очаровательных девочек, которые требуют много внимания и заботы. Учёба и работа – давно отошли на последний план.

По классике, я заказываю латте и кремово-банановый круассан. Подруга на диете, поэтому ограничивается чёрным кофе без сахара, жадно прожывая взглядом каждый кусочек, который я отправляю в рот.

Наш разговор идёт легко и непринуждённо. Есть люди, с которыми можно не видеться месяцами, но всё равно считать их самыми близкими.

Сначала я выслушиваю, как дела у Карины – как муж, дети и котёнок с откушенным ухом, которого они нашли на улице, отмыли и приютили месяц назад. К слову, подруга вовсе не из тех, кто заваливает посторонних бесконечными фото и видео своих девочек, отчаянно требуя восхищения. Она рассказывает спокойно и без излишней сентиментальности, лишь иногда с улыбкой упоминая смешные моменты.

А я обожаю слушать истории о жизни, отличной от моей – более душевной, семейной и уютно-тёплой.

Карина плавно переходит к допросу о последнем свидании, заставляя меня скривиться и слегка рассердиться.

Мы – разные.

Если подруга более практична, то я, несмотря на годы ра-

боты в прокуратуре, остаюсь чёртовым романтиком, верящим в любовь – честную и искреннюю, без подлости и измен. Размениваться на меньшее – например, на Юрия, от случайных прикосновений которого мне становилось не по себе, – я не собираюсь.

– Ну что с ним не так, Оль? – недоумевает Каро. – Может, у него несло изо рта? Громко чавкал? Пересказывал мемы, которые ты видела ещё три года назад?

– Ничего физически отталкивающего не было, – пожимаю плечами. – Дело в эмоциях. Когда я смотрела на него, то не испытывала ни малейшего интереса, не говоря уже о влечении.

– Попробуй пожить с женщиной в браке семь лет. За бытом, вечными болячками и суетой в квартире, когда я смотрю на своего мужа, который весь день проводит на работе, у меня возникает только одно желание – убить его. Потом отпускает, но в моменте...

Я зло комкаю салфетку под столом.

– Я не в браке с Юрием, Каро. Думаю, у вас с Олегом всё это было – по крайней мере в самом начале.

– Только не говори, что ты серьёзно рассчитываешь на интернет-знакомство, Оль.

– Нет, конечно, – спешу оправдаться. – Это было бы странно. Но и Юрий Волошин – явно не тот, с кем я хочу связывать свою жизнь.

Перекусив перед длительным шопингом, на который мы

планировали потратить полдня, я лезу в сумочку, чтобы найти в ней зеркальце, но наталкиваюсь на книгу с цветными закладками, о которой спорила с Лексом.

Как оказалось, он даже её не читал! Мы действительно говорили о разном.

«Чёрный лебедь» упакован в скромную, лаконичную обложку, но внутреннее наполнение полностью компенсирует этот минимализм. Я улыбаюсь, вспоминая, как уверенно Лекс дискутировал, не имея ни малейшего представления о содержании. А потом в голову приходит дурацкая, даже сумасшедшая идея...

Я сомневаюсь, что это разумно...

Я не уверена, что виртуальную переписку стоит хоть и не косвенно, но переносить в реальную жизнь. Это может запустить цепочку событий, которая мне сейчас меньше всего нужна...

Пока Карина отлучается в уборную, я направляюсь к кассе, достаю ручку и пишу послание на первой странице:

«Тебе не обязательно забирать эту книгу. Но если взял – найди способ сказать об этом».

Оставив кассиру щедрые чаевые, я прошу передать книгу мужчине по имени Лекс. Он должен появиться на днях. Или не появиться вовсе. Понятия не имею. Если в течение трёх дней никто не придёт, её можно оставить кому-то из случайных посетителей.

Когда мы с Каро выходим на улицу, я открываю перепис-

ку, отправляю своему анониму геолокацию и сообщаю, что оставила небольшой презент. Он может согласиться или проигнорировать. Без разницы.

Но на самом деле разница есть. И я начинаю отсчёт долгих дней ожидания.

9

После разрыва с Костей мне пришлось вернуться в свою квартиру, которая находится значительно дальше от работы. Теперь, чтобы успеть к назначенному времени, нужно вставать на полчаса раньше.

Из-за моей фамилии ко мне относятся предвзято. Это ожидаемо, но я стараюсь не дразнить коллег даже в мелочах, поэтому всегда приезжаю вовремя и без опозданий.

Перед тем как выйти из машины и пройти мимо входа, где уже собралась толпа, я открываю козырёк и смотрю в зеркало.

На работе у нас дресс-код, и хотя я люблю аксессуары, яркие принты и смелые оттенки, сегодня на мне классический тёмно-серый костюм, белая рубашка и туфли на среднем каблуке. Украшений минимум – лишь тонкий браслет на запястье.

Я взбиваю волосы, убеждаясь, что укладка идеальна, и, наконец, выхожу на улицу, слыша вдогонку шёпот и смех.

Это раздражает сильнее, чем хотелось бы. Иногда раска-

чивает, как лодку во время шторма.

Не могу сказать, что у меня со всеми отвратительные отношения: с кем-то я вполне нормально общаюсь, с кем-то держу нейтралитет, а с кем-то – открыто вражду.

И этот «кто-то» – Иван Степурин.

Мужчина на десять лет старше меня. Лысоватый, в очках. Завистливый и скользкий. Соревноваться с женщиной ему отнюдь не претит – кажется, наоборот, доставляет массу удовольствия.

На пятничной планёрке мы даже не здороваемся. В малом зале заседаний напряжённая атмосфера, а воздух – тяжёлый от усталости. Конец недели, все на грани. Но никто не расслабляется.

Обсуждают текущие дела: суды, ходатайства о мере пресечения, риски отмены арестов. Проходятся по резонансным расследованиям и сверяют статус обвинительных актов.

Кто-то пользуется блокнотом, кто-то набирает заметки на ноутбуке. Формат быстрый, без лишних эмоций. Без пустой затянутой болтовни.

Я стараюсь не отвлекаться, но руки то и дело тянутся к телефону.

Лекс забрал послание почти сразу. Моментально. Поблагодарил за подарок и признался, что ему давно ничего не дарили. Вдобавок к книге я попросила баристу заварить карамельный раф с щепоткой корицы, хотя прекрасно знаю, что мой аноним предпочитает двойной эспрессо без сахара.

После этого наш темп общения резко замедлился.

Думаю, помимо тесного виртуального мира у каждого есть свой реальный – со своими вопросами, проблемами и мелочами. Из-за них сложно выделять по несколько часов на разговоры, которые, возможно, никуда не приведут.

Я знаю пары, познакомившиеся в сети и создавшие крепкие семьи, но, скорее, это исключение из правил, чем закономерность. Большинство онлайн-знакомств остаются на уровне мимолётного флирта, фантазий или несерьёзных встреч.

О своих фантазиях я предпочитаю не думать – они отвлекают от более важных дел. Заставляют просыпаться ночами с дико колотящимся сердцем и в мокрой одежде.

Записав в блокнот задачи, я встаю с места, поправляю юбку и, уже на выходе из зала, сталкиваюсь с начальником отдела.

Он тихо, почти шёпотом, просит меня заглянуть к нему в кабинет. Но кажется, что этот шёпот слышат все. По крайней мере, мне между лопаток упирается чей-то тяжёлый, давящий взгляд, и даже оборачиваться не нужно, чтобы понять, чей он.

– Проходи, Оленька, – Григорий Леонидович по-отечески встречает меня на пороге, берёт под локоть и провожает к стулу напротив кресла. – Как дела? Как настроение? Суд по «СолидФинанс» сегодня?

– Да, в десять, – киваю, усаживаясь. – Доказательства собраны, оснований для залога нет.

– Хорошо. Следи за процессом внимательно – там могут быть сюрпризы.

– У нас достаточно аргументов.

Я осознаю, что это пустой трёп, не имеющий никакого отношения к тому, зачем я здесь. Начальник отдела тянет время: предлагает то чай, то кофе, то конфеты, но я решительно отказываюсь, настраиваясь слушать.

– Оля, я уже два года как на пенсии, – начинает Григорий Леонидович. – Состояние здоровья, мягко говоря, оставляет желать лучшего, поэтому сын предложил забрать нас с женой на постоянное проживание в Швейцарию. Я подумал-подумал и согласился. Уходить буду не сразу – закрою долги, выберу кандидатуру на замену. Но хочу сказать, что, кроме тебя, не вижу никого другого на этом месте.

Воздух стремительно вылетает из лёгких. Мне хочется верить, что причина в моих профессиональных качествах, но я не уверена на все сто процентов.

С самого начала работы в прокуратуре – от помощника прокурора до заместителя начальника отдела – я борюсь не только с окружающими, но и с собой. С сомнениями. С принципиальностью. С грузом ожиданий.

– Ты умная девушка, – продолжает шеф. – И это не комплимент, а факт. Скажу сразу: на должность претендует и Степурин, но я и часть руководства на твоей стороне. Для этого нужно провести серию громких посадок – минимум три дела, которые должны закончиться судом и реальными

сроками.

Я не двигаюсь. Лишь сильнее сжимаю пальцы на краю папки, удерживая руки в максимально спокойном положении, но волнение выдаёт пульс, гулко взрывающийся в висках.

– Ты же видишь, что творится? Финансовые скандалы, махинации, сращивание бизнеса с криминалом...

– Да, вижу.

– Нужен порядок, Оля, – вздыхает начальник, откидываясь на спинку кресла. – Время подходящее, на носу выборы. Власть хочет показать, что закон работает. Общество ждёт справедливости, а не бесконечных судебных разбирательств. Чем громче дело, тем выше доверие к системе. Всё просто. Ничего такого, с чем ты не сталкивалась раньше.

Григорий Леонидович протягивает документы, и я бегло сканирую их глазами, но надолго не задерживаюсь – изучу позже, наедине. В кабинете и с полной концентрацией, которой у меня сейчас нет.

– Что конкретно им вменяют? – ровно интересуюсь, глядя на фамилии, которые на слуху, но недостаточно, чтобы знать подробности.

– Отмывание через офшоры, фиктивные фирмы, теневые сделки. Классика. Эти люди слегка охуели и слишком долго чувствовали себя неприкасаемыми. Уверен, ты справишься, Оленька. И как только сделаешь это – твоя фамилия будет в приказе о назначении на должность начальника отдела.

Я пролистываю дальше...

Имена, данные. Фото.

Просто новые дела. Просто ещё одни обвиняемые. Просто трое из многих, чьи судьбы зависят от нескольких решений.

Покидая кабинет, я полна энтузиазма показать себя во всей красе.

Должность начальника отдела – всего лишь очередная ступенька на пути к вершине карьеры.

Мысли активно роятся в голове и пытаются ухватиться за то, с чего нужно начать, но прерываются единственным входящим сообщением.... Тем самым, от которого перехватывает дыхание и пробегает тёплая дрожь по животу.

10

Я захлопываю дверь кабинета, прижимая папку к груди, и открываю сообщение от Лекса.

Все наставления Григория Леонидовича, которые подарили мне эйфорию, мгновенно перекрываются более яркими эмоциями. Свежими. Неконтролируемыми.

Внутри – геолокация. Адрес той самой кофейни, что я дала своему анониму. Значит, наша игра продолжается, и мы, словно в пинг-понге, перебрасываем друг другу мяч.

Теперь он на моей стороне. Теперь мой ход – взять его или оставить. Резкая пауза в общении была связана с тем, что Лекс читал книгу, а не с потерей интереса или занятостью в

реальной жизни.

Несмотря на то, что я должна быть в суде в десять, я выкраиваю лишних двадцать минут, чтобы заехать по дороге в кофейню. Чувствую, если сделаю это позже, просто-напросто не высижу. Буду думать об этом во время заседания, рассеянно перелистывая материалы дела и теряя концентрацию. А мне нельзя позволять себе такой роскоши. Особенно сейчас, когда я готовлюсь к повышению.

Свернув с маршрута, я паркуюсь у обочины и глубоко вдыхаю, прежде чем выйти на улицу.

Взгляд невольно цепляется за вывеску и за прохожих. Прошло не так много времени с того момента, как я получила сообщение. Может ли Лекс все еще быть здесь? На улице или в заведении? Не поторопилась ли я и не убила ли интригу?

– Здравствуйте, – приветствую кассира, с которым общалась буквально в воскресенье. – Для меня должны были кое-что оставить. Для Оливии.

– Да, одну минуту.

Пока парень суетится, заглядывая под прилавок, я нервно осматриваюсь. Все столики заняты, но среди посетителей нет ни одного, кто хоть отдаленно может напоминать того, кого я ищу.

Не к сожалению. К счастью.

Я не хотела бы его видеть. Не хотела бы знать его в обыденной жизни. Меня будоражит сам факт того, что, обсуж-

дая личные темы, которых я не касалась даже с бывшим, мы остаемся инкогнито. Включается фантазия. И каждый раз, когда приходит входящее сообщение, по телу разливается горячая волна.

Тем не менее, язык так и чешется спросить у кассира, как выглядел отправитель подарка. Не обязательно в деталях – хотя бы общие черты. Рост, комплекция... Вдруг он в прыщах? В шрамах? Вдруг гораздо ниже меня? Хотя куда уж ниже, если я едва дотягиваю до ста шестидесяти?

Взяв небольшой плотный конверт и кофе, я вылетаю из кофейни и сажусь в автомобиль, изнывая от нетерпения. Пальцы тянутся к бумаге. Азарт – сильнее самоконтроля.

Сделав глоток напитка, я разрываю конверт прямо на коленях, чувствуя, как сердце отбивает сумасшедший ритм.

Вытащив содержимое, я затаиваю дыхание. Внутри два билета на спектакль. Я пробегаю взглядом по строчкам, и название заставляет пульс разогнаться до максимума.

Мне и смешно, и обидно!

С груди срывается смешок, а губы сами собой растягиваются в улыбке. Ну конечно. После «Черного лебедя» Лекс решил отправить меня на историю про азарт, риск и тех, кто считает, что может просчитать судьбу. Маленький вызов. Намек на его взгляд, который отличается от моего.

А два билета...? Потому что он хочет пойти со мной? Или нет?

Боже.

Я должна что-то ответить, но до суда не беру в руки телефон. Строго-настрога запрещаю себе отвлекаться!

Заседание проходит, как в тумане. Я говорю четко и уверенно, но мысли пляшут вразнобой. Протокол, доказательства, показания свидетелей – всё отрабатывается механически. На автопилоте. В период, когда я должна думать о важном, я думаю о мужчине... О дико волнующем меня мужчине...

За пять лет отношений с Костей я ни разу не позволяла себе такого. Точно не в процессе работы. Возможно, именно это и стало причиной его измен и равнодушия ко мне как к женщине.

Спонтанно поехать в горы, на байдарочный заплыв, в поход, покататься на серфе в океане – всё это всегда проходило мимо меня. Всегда мимо из-за загруженности и ответственности. Потому что, если бы я позволяла себе такую свободу, то не достигла бы того, к чему стремилась.

С одной стороны, Карина всегда говорит, что в мужчине нельзя растворяться, а с другой – превращаться в непробиваемую ледяную глыбу тоже не вариант.

Не знаю, как найти баланс.

После того как я собственными глазами увидела секс Кости с другой в ВИП-комнате фитнес-клуба, в голове пронеслись десятки версий, почему так случилось. Была и злость, и агрессия, и отчаяние. Когда пять лет живёшь с человеком, любишь его, уважаешь и ценишь – мозг отказывается при-

нимать такой поворот событий. Просто отказывается...

Я считала, что у нас всё идет так, как должно: отношения, совместная жизнь, со временем – свадьба и дети. Это было не мечтой и не целью, а чем-то само собой разумеющимся. Логичным продолжением. Мы стремились к этому. Или, по крайней мере, я так думала.

Проанализировать, чего ему на самом деле не хватало, я не могла – каждое воспоминание было слишком болезненным, а выслушивать объяснения Кости не хватило мужества. Я просто собрала вещи, вызвала грузоперевозку и съехала в тот же день, а все попытки помириться пресекала на корню. Хотела подумать, остыть и понять, как жить дальше.

Когда мне это удалось – и я вернулась за оставшимися вещами, оказалось, что Константин не терял времени даром, судя по женской заколке и косметике в ванной. Позже общие друзья рассказали, что дело идет к свадьбе. Не со мной, естественно. Не с той, что была рядом все пять лет.

Покинув здание суда и отъехав на несколько сотен метров, я захожу в переписку с Лексом, прогоняя нахлынувшие воспоминания.

«Ты тоже там будешь?»

Я имею в виду – на спектакле. Он понимает. Я просто хочу убедиться, что мой аноним не маньяк и не собирается преследовать девушку, которая не готова к личным встречам, даже в людном и безопасном месте. Я хочу знать, что мы оба играем по честным правилам.

«Я лечу в командировку. Меня не будет в городе примерно неделю».

«Меня устраивает такой вариант, уважаемый водитель маршрутки».

Закусив губу, добавляю:

«Водитель маршрутки, который летает в командировки».

«Буду рад, если спектакль тебе понравится, но буду против, если ты пойдёшь на него со своим бывшим или тем мураком с последнего свидания».

Точно так же, как Лекс увиливает от вопросов о работе, я ухожу от темы, с кем проведу вечер. Пусть немного поволнует.

Я направляю разговор в другое русло. Не могу сказать, что меня сильно зацепило, но Лекс...

Невыносимый мужчина. Просто невыносимый.

Я оставляла закладки, сохраняла цитаты в телефон. Была под впечатлением. А теперь дышу, как паровоз, потому что он не оценил содержание книги, которая откликнулась во мне глубже, чем я ожидала.

«Интересно, случится ли когда-нибудь тот день, что ты перестанешь критиковать мои вкусы и предпочтения?» – пишу Лексу.

Мой аноним появляется в сети с двухминутным опозданием, как раз в тот момент, когда я собираюсь продолжить путь и с головой окунуться в работу.

«Я разнёс Талеба, Оливия. Не тебя. Его рассуждения –

попытка упаковать очевидное в умные слова».

«В таком случае можешь вернуть книгу – на том же месте, где взял».

«Это уж вряд ли. Книгу я оставлю себе, потому что это подарок. Потому что внутри твой почерк. И, мне кажется, теперь я знаю, как ты пахнешь».

11

Сборы в театр – это целый ритуал, которому я посвящаю минимум полтора часа после работы. Несмотря на то, что иду туда просто с подругой. Несмотря на то, что за мной никто не будет наблюдать.

Важно всё: макияж, духи, платье.

В детстве я часто ходила на спектакли с сестрой и бабушкой, которая взяла на себя наше культурное воспитание, пока родители были заняты карьерой. Но когда мне исполнилось четырнадцать, её не стало из-за острой сердечной недостаточности.

Помню, ба всегда говорила: «Настоящая женщина в театре – и зритель, и актриса одновременно».

Я стараюсь следовать этому правилу, вспоминая её и перебирая вешалки в шкафу. Строгое чёрное? Яркое красное? Или лаконичное бежевое? Я не хочу выглядеть вычурно – скорее, легко и женственно. Без надменного эффекта, который привлекал бы лишнее внимание.

Мой взгляд цепляется за шоколадное миди-платье на тонких бретельках. Атласное, переливающееся на свету. Оно подчёркивает фигуру, но не делает на ней упор.

Я, как обычно, засиделась на работе до последнего, а теперь тороплюсь и бегаю по квартире. Карина же начинает подгонять меня ещё за час до начала, раздражая и заставляя всё валиться из рук, превращая обычные сборы в настоящий хаос.

Я нахожу телефон и ключи, мельком смотрю в зеркало. Включаю камеру и делаю снимок – скорее машинально, чем осознанно. Социальные сети меня не интересуют ещё со времён универа. Я их не веду. Единственный, кто мог бы увидеть эту фотографию, – Лекс.

В мыслях уже готов небольшой сопроводительный текст – что-то игривое, чисто для эксперимента. Поднять самооценку, проверить реакцию. Но останавливает одно предположение: а вдруг я вообще не в его вкусе?

Пальцы висят над виртуальной клавиатурой, и пока я борюсь с собой, экран телефона гаснет. Я закрываю мессенджер, надеваю плащ и выхожу из квартиры, так и не решившись.

В дороге у меня не получается не думать о Лексе – о его жизни, профессии, воспитании.

Как так вышло, что у пьющих родителей вырос сын, который, хоть и не имеет высшего образования, может поддерживать разговор на любую тему и, судя по нашим беседам, ка-

жется куда более интеллигентным, чем многие обладатели дипломов?

Карина встречает меня на ступеньках, расхаживая от колонны к колонне. На высоких шпильках, в тёмно-синем платье с высоким разрезом. Подруга всегда за любой кипиш – особенно если это даёт ей повод сбежать из дома.

– Олег сначала упёрся и давил на жалость – мол, устал после работы, голодный, без сил, – рассказывает Каро, хватая меня под руку. – Вёл себя так, будто я не в театр иду, а отправляюсь в двухнедельный круиз с греческими красавчиками.

Мне сложно представить, как происходят договорённости между мужем и женой, когда у них общие дети, но у подруги явно талант вести дипломатические переговоры. Тут бы никто не устоял.

– И как тебе удалось его убедить?

– Предложила бартер. Сказала: ты отпускаешь меня в театр, а я без скандалов отпускаю тебя на картодром в эти выходные. Он бы всё равно пошёл – я не имею привычки что-либо запрещать, – но теперь Олег идёт с лёгким сердцем, а не под моё недовольное ворчание.

– Гениально, – качаю головой. – То есть ты просто продала ему свободу, которая у него и так была?

– Конечно. Он ещё с таким довольным видом заявил: «Вот это я понимаю – взрослые, здоровые отношения, малыш».

Смеясь и наспех снимая верхнюю одежду, мы проходим

в холл и ищем гардеробную. Внутри людно, раздаётся ровный гул голосов, а по мрамору стучат каблуки. Мужчины в костюмах, женщины в элегантных платьях.

В этот момент, попадая в театральное пространство, ощущаешь особую магию – здесь всё кажется немного утончённее и изысканнее, чем в реальной жизни.

У меня хорошее настроение, несмотря на то, что голова до сих пор забита бумажной работой, из-за которой завтра придётся приезжать в прокуратуру с утра пораньше. Но это стоит любых жертв. Стоит того, чтобы на несколько часов вырваться из повседневной суеты и приобщиться к прекрасному.

Карина не умолкает ни на секунду, продолжая рассказывать семейные истории, а я бегло осматриваюсь по сторонам, пока не натыкаюсь на пристальный взгляд, из-за которого с первой секунды здесь захотелось почесаться.

Лёгкий прищур, кривоватая ухмылка. Костя стоит чуть поодаль, у окна, разговаривая с друзьями, которые когда-то были нашими общими. Слегка сутулый, но всё такой же спортивный. В чёрном пиджаке, с небрежно расстёгнутой верхней пуговицей рубашки.

Он обнимает за талию свою невесту – блондинку с безупречно уложенными локонами, серьёзным, но приятным лицом, в дорогом светлом наряде.

На её безымянном пальце сверкает кольцо, и мне кажется, его блеск режет глаза.

Я замираю, вцепившись пальцами в сумку, под настойчивый стук молоточков в ушах. Такое ощущение, будто меня окатывает ведром ледяной воды, смывая восторг и воодушевление и оставляя после себя лишь серые угольки, которые, даже если захочешь, уже не раздуешь.

Костя не кивает в знак приветствия, не взмахивает рукой, а просто отворачивается. Я чувствую, как внутри поднимается что-то острое и колючее. Не боль. Скорее... злость?

Злость на него – за демонстративную отчуждённость.

Злость на блондинку – за то, что она на моём месте.

И злость на себя – за то, что мне вообще не всё равно.

– Ты как? Нормально? – Карина бережно касается моего локтя.

Я отвожу взгляд и быстро киваю.

– Конечно.

– Насколько я помню, это ты приобщила Костика к театру, потому что этот качок, напичканный протеином, не знал даже разницы между балетом и мюзиклом, – фыркает подруга. – А теперь, смотри, стоит тут с важным видом, будто всегда был ценителем искусства. Ещё бы взял бокал вина и начал рассуждать о влиянии эпохи барокко.

– Рада быть полезной.

– Несмотря на то, что дивиденды с этого вложения получила явно не ты, я всегда считала, что Костик тебя недостойн.

– Я знаю. Спасибо, Каро.

Наши места расположены в одном из лучших секторов. Здесь отличный обзор и достаточно пространства, чтобы расслабиться и наслаждаться спектаклем. Тем более я планировала подметить пару интересных деталей, чтобы потом парировать Лексу.

Сцена залита мягким светом, минималистичные, но стильные декорации создают особую атмосферу. Слова льются плавно и красиво, радуя слух. Эстет во мне ликует, а брошенная девушка чувствует себя уязвлённой и обиженной, мечтая поскорее уйти.

Как только начинается антракт и загорается свет, я выскальзываю из зала и направляюсь в уборную вместе с Каринной.

Переосмыслить. Перевести дыхание. Просто постоять минуту в тишине и прогнать отголоски ностальгии, которые упрямо атакуют сознание. То, что мне удавалось избегать этого контакта несколько месяцев, не означает, что мы с бывшим никогда бы не пересеклись.

Я подхожу к раковине, опираюсь о холодный мрамор и смотрю на своё отражение.

Глаза блестят – то ли от напряжения, то ли от жары в помещении. Губы покраснели – даже без помады.

Я включаю воду, позволяя прохладной струе стекать между пальцев, и подношу ладони к лицу, ощущая приятный холодок на коже. Капли скатываются вниз, оставляя влажные дорожки. Дышится легче, но мысли по-прежнему гудят

в висках.

Справившись с собой, я выхожу в коридор, чтобы дождаться подругу, – и все усилия оказываются напрасными, потому что я сразу натыкаюсь на Костю.

Пульс взлетает, сердце таранит рёбра. Он стоит у стены, сунув руки в карманы, и смотрит прямо на меня. Долго. Изучающе.

Пройти мимо и сделать вид, что я его не заметила, было бы просто невозможно.

– После нашего разрыва единственное, чего я боялся, – что ты зашлёшься на работе и перестанешь выходить в люди, – звучит всё ещё родной голос. – Привет, Оль.

12

– Здравствуй, – выдержанно отвечаю, сохраняя дистанцию в пару метров и прижимаясь лопатками к прохладной стене. – Я работаю потому, что люблю своё дело, а не потому, что меня бросили. Это вообще не связанные вещи, Костя.

Такое ощущение, будто меня отхлестали по щекам. Лицо горит, а в груди разрастается обида.

На самом деле я зашилась и перестала выходить в люди. Так и есть. Это почти факт, который Костя безошибочно угадал, зная меня вдоль и поперёк.

Первые недели после расставания, совпавшие с долгожданным отпуском, я провела в кабинете – за ноутбуком и

бумагами. Домой возвращалась поздно, к родителям не ездила. С подружками, которых у меня осталось слишком мало, могла встретиться разве что на кофе в перерывах между делами.

На фоне бывшего я действительно поставила личную жизнь на стоп. На работе без изменений, а в остальном – за полгода у меня было всего одно свидание с Юрием. И то неудачное.

Так что если Костя и хотел самоутвердиться, у него получилось. Правда получилось.

– Как родители? – спрашивает он, осматривая меня с головы и до ног.

– Живы-здоровы. Справляются с утратой зятя. Даже почти не праздновали.

– Рад, что ты иронизируешь – значит, у тебя всё хорошо. Главное, не заикливайся на работе. Меньше принципов – больше внимания и ласки. Мужикам это нравится.

– А ещё им нравится, когда их не ловят в постели с другой.

– Я же без злого умысла, Оль – действительно желаю тебе всего наилучшего, – говорит Костя, вынимая руки из карманов и вскидывая их вверх. – Мы ни разу нормально не поговорили, и ты так и не поняла, в чем была главная проблема в наших отношениях.

Я не хочу этого слышать, но тело цепенеет, а в горле встаёт ком, который не удаётся проглотить – и, соответственно, заткнуть Костю, который, ожидая невесту у женской уборной,

слишком увлёкся раздачей советов.

– Помимо разных мелочей, знаешь, что задело меня больше всего? – продолжает он. – Когда у меня были проблемы с налоговой, и я нуждался в помощи, ты могла решить всё одним звонком, но я так и не дождался ни поддержки, ни участия. У тебя, блядь, дядя – руководитель юридического департамента в налоговой службе, тётка – судебный исполнитель, а отец вообще в министерстве работает.

– Я дала тебе контакт адвоката, – сипло отвечаю, гипнотизируя дверь и мысленно подгоняя Карину.

– Да. И мне пришлось убить уйму времени и нервных клеток.

– Я не виновата, что ты слабо подготовился к плановой проверке. У меня тоже был завал на работе, но ты же не решил его вместо меня?

Костя ухмыляется, запрокидывая голову к потолку.

– Оля, у тебя всегда была возможность выбирать – подключать связи или нет. Ты выбрала не подключать. И я, сука, до сих пор не могу понять почему. Из гордости? Из упрямства?

– Я дала тебе номер не просто адвоката, а отличного адвоката.

– Прекращай. Тебе не хотелось мараться, вмешиваясь в проблемы мужика, с которым ты жила целых пять лет. Просто скажи: я был недостаточно важен для тебя?

В висках пульсирует от злости, и я крепко сжимаю зубы.

Это не так. Абсолютно не так!

Налоговая проверка – не приговор. Да, неприятно. Да, волокита, бумажки и нервы. Но это решаемо. Это всегда решаемо, если хотя бы немного шевелить задницей, а не ныть.

– Ты просто хотел, чтобы всё наладилось по щелчку пальцев. Чтобы кто-то взял тебя за руку и провёл через трудности. Стоило случиться первой же проверке – и для тебя это уже трагедия, Кость. И этот кто-то должна была быть я. Чья-то дочь, чья-то племянница, чья-то внучка. Удобный ресурс, которым можно воспользоваться.

– Неправда, Оль.

– Отец, кстати, предлагал задействовать свои связи, – произношу дрогнувшим голосом. – Только не чтобы помочь, а чтобы утопить тебя из мести за дочь. Так что скажи спасибо, что я вовремя его остановила.

Из уборной наконец выходит подруга, недоумённо глядя то на меня, то на моего бывшего.

Я отталкиваюсь от стены, вешаю сумку на плечо и искренне надеюсь, что эта встреча – последняя.

– Не тебе мне говорить о поддержке, Кость. Я и так поддерживала тебя больше, чем следовало.

В поясницу упирается давящий взгляд, провожающий меня до самого зрительного зала.

Казалось бы, этот дурацкий разговор должен остаться в прошлом – там, где ему и место. Но, сидя на второй части спектакля, я снова и снова прокручиваю в голове каждую

фразу, споря с собой и собственными убеждениями.

В один момент мне кажется, что я была права на все сто процентов. В другой – что стоило поступить иначе.

Это терзает. Мучает. И не даёт покоя.

Господи, я не настолько отбитая, чтобы не понимать, когда помощь действительно необходима. Но Косте не грозила катастрофа. Никто не арестовывал его счета, не закрывал клубы и не заводил уголовное дело. Максимум, что ему светило, – доплата налогов и штраф. Обычный штраф, который он мог бы покрыть без особых последствий.

– Давай в бар, – предлагает Карина под конец спектакля, уловив моё настроение.

– А Олег?

– С ним я как-нибудь разберусь.

Пара минут созвона на парковке – и Олег уступает, соглашаясь накормить ужином и уложить спать девочек-погодок. Честно говоря, Каро уже проложила маршрут к новому нашумевшему бару, недавно открытому известным блогером, так что его согласие было скорее формальностью.

Внутри заведения почти нет свободных столиков, поэтому мы с подружкой занимаем места у стойки.

В баре приглушённый свет, ритмичная музыка и лёгкий гул голосов. Персонал работает быстро и слаженно, а публика расслаблена, но без перегибов.

– Тебе нужно с кем-нибудь трахнуться, – выносит вердикт Карина, получая свою порцию Негрони и заставляя ме-

ня чуть ли не захлебнуться моим коктейлем. – Предлагаю задействовать анонима, раз уж Юрия ты отвергла категорически.

Я перехватываю заинтересованный взгляд бармена, и снова поворачиваюсь к подруге.

– Помню, не так давно ты говорила другое. Чтобы я ни на что не рассчитывала.

– Я говорила о серьёзных отношениях, Оль. Но кто сказал, что с анонимом нельзя просто переспать, чтобы окончательно забыть бывшего и утереть ему нос? Повысить самооценку и почувствовать себя желанной? Договорись о встрече в приличном отеле с видеонаблюдением, ни в коем случае не едь к нему домой и соблюдай анонимность. Кстати, ты его хоть поблагодарила за билеты? Ты вообще в курсе, что это была премьера...

– ...и на неё было почти не попасть? – заканчиваю я, помешивая коктейль трубочкой. – Да, в курсе.

– И?

– Написала «спасибо».

Каро закатывает глаза.

– Спасибо? И всё? Оль, это указывает на то, что твой аноним – явно не зелёный соплик, а взрослый мужчина, который хочет тебя впечатлить. Я бы на твоём месте попробовала. Начала с чего-то откровенного. С вопросов. С намёков.

– Например?

– Спроси: интересно, насколько далеко ты готов зайти,

мильный? Как именно ты хочешь, чтобы я тебя отблагодарила? Твой... кхм... талант распространяется только на выбор книг и спектаклей или есть что-то, что мне стоит оценить лично?

По тому, как кривится моё лицо, подруга понимает, что я не воспользуюсь ни одним её советом. Это пошло. Странно. Неестественно.

Пропустив по бокалу коктейля, я вызываю водителя и, ощущая лёгкую расслабленность, откидываюсь на спинку сиденья, наблюдая за ночным городом.

Телефон в руке нагревается – я сжимаю его слишком крепко, прежде чем отпустить и спрятать в сумку.

Мысли путаются, сталкиваясь друг с другом. Я вспоминаю самодовольное лицо Кости, снисходительный тон, и меня снова накрывает грёбаное раздражение.

Губы сжимаются, в груди клокочет. Вместо того чтобы убрать телефон и выдохнуть, палец скользит по экрану, открывая диалог с Лексом.

Последнее сообщение висит неотвеченным – я проигнорировала его, потому что была не в духе.

Я и сейчас не в духе.

«Судя по тому, что ты сегодня без язвительных комментариев, спектакль хуйня, да?»

Автомобиль встаёт в пробку, а я сползаю на сиденье чуть ниже, ненадолго прикрывая глаза.

Алкоголь закипает в венах, разогревает тело и путает же-

лания. В голове крутятся дурацкие вопросы Каро, включая тот, где она предлагала заранее обсудить размер члена Лекса – чтобы потом не было сюрпризов.

Я почему-то думаю, что на него нет жалоб. Интуиция это или тычок пальцем в небо – не знаю, но готова поставить на это свою месячную зарплату.... Я... даже готова поставить на это свой годовалый доход. С премией.

«Нет, спектакль отличный. Ещё раз спасибо», – пишу Лексу.

Значок «онлайн» рядом с безликой аватаркой заставляет сердце пропустить удар.

«У меня туго с фантазией на подарки. Предпочитаю, когда девушка сама подсказывает, чего хочет – так меньше шансов облажаться».

«Это касается только подарков?»

Пауза. Взрыв пульса. Воздух вокруг сгущается, пропитываясь напряжённым ожиданием.

«Да, только их».

«Ясно».

Щеки горят ярче, потому что Лекс продолжает печатать, а я осознаю, что своими намеками кардинально перестроила маршрут. От и до.

«В сексе я беру инициативу на себя – если ты спрашивала об этом. И если разговоры о любимых цветах и знаках зодиака мы упускаем».

«Я спрашивала об этом, Лекс».

И да, упускаем.

Неважно. Плевать. Я не верю в гороскопы и не собираюсь под венец.

Распахнув полы плаща, забрасываю ногу на ногу, покачивая туфлей. Жар плавно разливается по телу, начиная с груди и спускаясь ниже, пульсируя где-то внизу живота. Пульсируя сильнее с новым входящим сообщением.

13

«Не знаю, с чем связана смена вектора общения, но буду рад услышать, что предпочитаешь ты», – читаю сообщение от Лекса.

Прямое, откровенное. Действительно заинтересованное, потому что от каждой буковки по плечам пробегают мурашки.

Меня слегка подкидывает на яме, и телефон ненадолго выпадает из рук, закатываясь под сиденье. Пока я его достаю, успеваю покрыться липким потом. В салоне работает кондиционер, а через приоткрытое заднее окно проникает тонкая струя прохладного воздуха, но температура тела только растёт.

«Если тебя не устраивает вектор – можешь не следовать за ним», – беспечно отвечаю.

«Меня устраивает, но учти: то, как ты то завлекаешь, то даёшь заднюю, приведёт только к тому, что я попробую най-

ти тебя всеми возможными способами...»

«И закончить игру»

«Хотя сама реализация мне очень даже заходит», – тут же добавляет аноним.

Жар внутри сгущается, превращаясь в плотную, тягучую лаву, которая не остывает ни на миг. Но я и не пытаюсь её тушить. Даже не пробую.

Откинув с лица мешающие пряди волос, шумно выдыхаю.

Во мне достаточно алкоголя, чтобы испытывать смесь возбуждения, предвкушения и опасности. Это именно то, чем мне хочется отравлять организм. Этим, а не разочарованием и обидой, которые оставил после себя бывший.

«Смена вектора связана с тем, что я выпила коктейль с подругой, обсудила тебя и захотела узнать поближе. Мало ли, вдруг я общаюсь с маньяком или извращенцем, и если мы когда-нибудь встретимся – возможно, сильно об этом пожалую».

«Мы встретимся. Без «если» и «вдруг»

«Пока ты увливаешь от основных вопросов – я тебя боюсь».

«Я перепробовал массу извращений за свои тридцать два года, Оливия, но ни одно из них не включало запугивание или насилие над женщинами. Тебе не о чем переживать».

Я пулей вылетаю из машины, когда водитель паркуется у подъезда.

Кажется, на моём лице написано всё. То, что меня ведёт

от эмоций. То, что мои пальцы чешутся от нетерпения, сжимаемая раскалённый телефон. И то, что переписка с мужчиной раскаляет не только железо, но и меня саму.

Забрав ключи, я поднимаюсь в лифте, скидываю в прихожей верхнюю одежду и туфли, а затем прохожу к бару, решив позволить себе ещё один бокал вина.

Телевизор работает фоном, транслируя фильм, который я даже не воспринимаю. Мои мысли заняты другим. Такими глупыми вещами, как, наверное, никогда раньше.

Я забираюсь на диван, поджимая под себя ноги, и снимаю блокировку с телефона.

В последнее время наша игра мало напоминает осторожную. Она на грани. На самом краешке. У каждой игры есть свои правила, но свои мы не устанавливали. Они держатся на добром, честном слове.

«Какие девушки в твоём вкусе, Лекс? Ты задумывался о том, что я могу тебе не понравиться?» – набираю ответ, медленно пригубливая вино.

Я одновременно жду и боюсь получить ответ.

Меня всегда устраивала моя внешность. Я часто бывала в центре внимания мужчин, но что в университете, что на работе – упрямо выстраивала вокруг себя барьеры. Барьеры, которые всегда работали безотказно.

Мужчины могли подкатить ко мне только раз. Зная мою фамилию. Зная, кто мой отец. Один раз – ударяясь о холодную вежливость и отточенную дистанцию.

«У меня нет списка критериев», – отвечает аноним.

«То есть тебе всё равно?»

«Красивая внешность – это плюс. Ты мне нравишься, Оливия. И это не изменится от того, какая у тебя форма губ, цвет волос или цвет глаз»

«У меня длинные светло-русые волосы и голубые глаза... Под левым глазом – две родинки. Форма губ достаточно полная, из-за чего многие, кто встречается меня впервые, думают, что там куча миллилитров гиалуронки. Что касается самого первого вопроса о том, что я предпочитаю в сексе, – затрудняюсь ответить, потому что последний раз у меня был больше полугода назад, и я уже забыла, что значит прикасаться к мужчине».

Сообщение улетает раньше, чем я успеваю обдумать его смысл.

Оно же не хвастливое? Не самоуверенное? Не... жалобное?

Чёрт.

Я планировала другой результат. Просто воссоздать более живую картинку в голове у Лекса.

Сам он представляется мне красивым, прямолинейным и смелым мужчиной.

Я хмурюсь, проводя указательным пальцем по стеклу. На языке лопаются пузырьки, щекоча нёбо и оставляя терпкое послевкусие. Когда я подношу бокал к губам, часть вина проливается на платье, оставляя на нём тёмное пятно, которое

быстро растекается по ткани.

Я вздрагиваю и подхватываюсь с дивана, тихо чертыхаясь.

Тот жар, что сконцентрировался в моём животе, делает движения нервными и прерывистыми, лишая координации.

Сняв платье, я бросаю его на стул и иду за салфетками, но даже без ткани на теле мне не становится легче.

Телефон вибрирует на диване.

Сжимая салфетки в одной руке, я перевешиваюсь через спинку, чтобы посмотреть на экран.

«Хочу тебя»

«Увидеть»

Я читаю два сообщения, прилетающие подряд, не успев разблокировать экран.

Внутри всё перемешивается в хаотичный, пульсирующий коктейль из предвкушения, желания и адреналина. Как будто во мне что-то сорвалось с места и теперь крутится вихрем, выбивая почву из-под ног.

Единственное, чего мне хочется, – не разочароваться в образе мужчины, который в данный момент кажется мне почти... идеальным.

«Наше анонимное общение мне больше по душе», – набираю ответ дрожащими от волнения пальцами, повиснув на спинке дивана.

«Не вижу проблем. Мы можем соблюдать конфиденциальность и при встрече».

Если бы рядом со мной была Каро, она бы уже выхвати-

ла телефон и ответила вместо меня. Согласием, естественно. Но раз подружки рядом нет – я сама принимаю решения, которые после пяти лет отношений с Костей даются мне адски сложно.

«Никаких имён, данных и прочей личной информации?»

«Почему бы нет? Тебя устроит завтра?»

Сердце бешено колотится, дыхание сбивается. Я хочу, но в то же время трушу, потому что напрочь отвыкла общаться с мужчинами вне работы. Флиртовать и кокетничать – тем более.

Ощущение лёгкости от телефонной переписки в сети сменяется внутренним напряжением, от которого сводит мышцы. Приходится парировать самым слабым из возможных аргументов:

«Я ни разу тебя не видела. Вдруг ты страшный?»

Проходит несколько секунд, и на телефон падает вложение с фотографией, снятой в отражении зеркала.

Я уверена, что оно сделано в реальном времени – судя по компании мужчин на заднем фоне, расслабленной позе за столом, еде и алкоголю. И я мысленно соглашаюсь даже раньше, чем успеваю открыть и увеличить снимок. Потому что образ, который я нарисовала себе в голове, ничуть не уступает тому, что вижу.

Коротко стриженные светлые волосы, жёсткие черты лица, и густая щетина, подчёркивающая линию скул.

На нём безупречно сидящий костюм, выделяющий его вы-

сокий рост и спортивное телосложение, и рубашка без галстука с расстёгнутой верхней пуговицей. Манжет скрывает запястье, но на руке угадываются массивные часы.

Лекс выглядит именно так, как и пишет: мужественно, уверенно и сдержанно, без показной напыщенности.

Это дезориентирует. Вышибает из лёгких весь воздух. Потому что я до последнего не ожидала, что мой аноним настолько... в моём вкусе.

Спонтанная идея открыться этому мужчине перевешивает весь здравый смысл, который истошно вопит в подсознании.

Я сажусь на диван и фокусируюсь на зеркале шкафа, расположенном напротив. В этой квартире пусто – минимум уюта, мебели и декора, потому что все силы по обустройству были направлены на квартиру бывшего.

Включив камеру, я вижу в отражении шкафа себя: худощавая фигура, лихорадочный румянец на щеках и полупрозрачное бельё, не скрывающее грудь, а лишь подчёркивающее её очертания тонкой тканью, сквозь которую проступают ноющие соски.

Чуть наклонив голову, я позволяю прядям свободно упасть на плечи и поднимаю телефон так, чтобы он закрывал половину лица.

В момент, когда палец зависает над кнопкой, жар внизу живота толкает меня вперёд, подстёгивая сделать то, о чём ещё час назад я бы даже не подумала.

Фото улетает получателю так же резко и спонтанно, как появилась эта идея, не оставляя времени прийти в себя.

Лекс просматривает снимок моментально, заставляя страх и ожидание переплестись тугим, прочным канатом.

Я не жду комплиментов, но когда экран остаётся тёмным слишком долго, почти физически ощущаю пронзительный мужской взгляд на себе, и от этого по коже пробегает электрический ток.

«Я могу тебя набрать?» – спрашивает Лекс, и, не дожидаясь согласия, напирает:

«Прямо сейчас».

Во всей этой сумбурной и немного неловкой ситуации, когда мы вскрываем карты, я чувствую единственное, что помогает выровнять пульс – я правда ему нравлюсь, и это взаимно.

Мы можем не совпадать в выборе книг или фильмов, но в том, как усилить притяжение, мы совпадаем без всяких сомнений.

«Нет, не можешь»)» – отказываю, следом отправляя адрес гостиницы, где мы встретимся уже завтра.

Весь следующий день мы держим паузу, обсудив лишь время встречи, но это не мешает мне постоянно думать о том, как всё пройдёт.

Я знаю Лекса почти месяц, и он не похож на маньяка – в таком случае его ловушка была бы слишком изощрённой.

Во-первых, я написала ему в личку сама. Во-вторых, вначале мой собеседник не особо подбирал выражения и не пытался понравиться. В-третьих, мужчины такого типа могут заманить в свои сети любую девушку, какую только захотят. Не обязательно меня.

За завтраком, в процессе пробежки и в каждую свободную минуту я открываю на телефоне фотографию анонима и рассматриваю его вдоль и поперёк, предвкушая и примеряя на себя возможную реакцию на нашу встречу.

Как это – касаться малознакомого мужчины?

Как это – целоваться, позволять себя трогать и трахать кому-то, кроме Кости?

Будет ли его голос таким же приятным, как в аудиосообщении? Испытаю ли я то же напряжение, что накатывает при перечитывании переписки?

Эти мысли не дают мне покоя, заставляя кровь кипеть сильнее, чем тренировка в спортзале.

В пять вечера, когда я начинаю готовиться, звонит сестра с просьбой посидеть пару часов с Захаркой. Несмотря на то, что я обожаю своих племянников, эта просьба злит – ещё и потому, что Ира, даже не спросив моего согласия, уже решила, что на меня можно положиться. Рассчитывая на мою совесть и ответственность.

– У меня свидание, – категорично заявляю.

На самом деле нет, потому что Лекс не ходит на свидания, и мы оба понимаем, зачем встречаемся в номере люкс. Но сестре необязательно знать, что её младшая сестра оправилась после тяжёлого разрыва настолько, что уже готова к сексу с другим.

– Поздравляю. С Юрием?

– Нет, не с ним, – неприятно кривлюсь.

– Оль, пожалуйста, мне не на кого рассчитывать, кроме тебя... Нужно отвезти старшего к стоматологу – у него острая зубная боль, а родители куда-то умотали на уикенд.

– Няня?

– Няня заболела, а у Гриши срочное совещание. Я же говорю – только ты.

Расхаживая из угла в угол, я бросаю взгляд на часы. В одном Ира не ошиблась – у меня действительно есть совесть. Потому что я быстро прикидываю, что могу себе позволить и как надолго.

– Я буду занята сборами, но если ты обещаешь, что ровно через два часа заберёшь Захара – то так и быть, я с ним посижу.

Вскоре мне привозят девятимесячного племянника вместе с сумкой подгузников, запасной одеждой и бутылочками.

Я беру его на руки, стараясь отвлечь от разлуки с мамой, и прижимаю к себе.

Обожаю младенцев... Они тёплые, сладкие, пахнут молоком и чем-то очень вкусным. Могу с уверенностью сказать,

что своих племянников я люблю даже больше, чем родную сестру.

– Извини, ты тут ни при чём, – шепчу, расцеловывая пухлые щёчки. – Я всегда рада гостям, но, видишь ли, у меня намечается дико важный вечер.

Мне везёт: после того как я кормлю Захара, он крепко засыпает на широкой кровати, обложенный подушками, предоставляя мне возможность заняться поисками подходящего наряда.

Платье, которое я планировала надеть, – чёрное, с открытыми плечами и вырезом на спине – кажется слишком откровенным. Оно плотно облегает фигуру и подчёркивает грудь. Я не маленькая и еду в гостиницу с одной-единственной целью, но даже зная это, хочется сохранить хотя бы видимость сдержанности.

Я бросаю на кровать запасной вариант – кремовое платье на тонких бретелях, свободно струящееся по телу. Оно мягче очерчивает изгибы, и я останавливаюсь на нём.

Ближе к восьми вечера темп подготовки возрастает в несколько раз. Я лихорадочно меняю туфли, поправляю причёску и бросаю в сумку помаду и духи. На мне новый комплект нижнего белья, и от одной мысли, что я покажу его мужчине, которого никогда раньше не видела вживую, внутри всё сжимается.

В комнате хаос – повсюду разбросана одежда, насадки для фена и аксессуары, а на туалетном столике вперемешку ле-

жат украшения и кисти для макияжа.

Удивительно, но в зеркале я вижу девушку, которая слишком нервничает для той, кто сама инициировала встречу.

– Шикарно выглядишь, – отвечает комплимент Ира, приезжая, естественно, в самый последний момент.

Не знаю, почему я решила, что моё свидание подстегнёт её поторопиться, но финальные штрихи я доделывала уже с проснувшимся Захаром на руках, аккуратно выуживая из его крошечной ладошки свои волосы.

Я достаиваю сестру уничтожающего взгляда, после чего мы одновременно покидаем квартиру.

Мне совсем не хочется, чтобы сплетни о моём свидании не с Юрием дошли до родителей, но, так как я уже заранее заказала такси на обозначенное время, приходится выйти с Ирой на пропахшую дождём улицу, где всюду гуляет шквалистый ветер.

Гостиница, которую забронировал Лекс, находится в десяти километрах от города, и я искренне надеюсь, что не встречу там кого-то знакомого. Всё, что мне нужно, – назвать номер брони на ресепшен, и администратор предоставит электронный ключ без уточнения личных данных.

В дороге я пишу Карине короткую инструкцию на случай, если не выйду на связь до полуночи. Прикрепляю геолокацию и название гостиницы, стараясь не придавать этому излишней драматичности. Но всё же подстраховываясь.

Почему-то я более чем уверена, что всё пройдёт, если не

отлично, то как минимум нормально – и если ожидания не совпадут с реальностью, мы спокойно разойдёмся в разные стороны.

Меня охватывает неприятное удивление, когда на ресепшене я узнаю, что Лекс ещё не приехал.

Направляясь к лестнице, ловлю себя на ощущении, будто все сотрудники и гости отеля прожигают во мне дыру, гадая, зачем молодая девушка приехала сюда на ночь глядя.

На самом деле, всем абсолютно плевать, и мои фантазии – это только мои фантазии...

Стерильный номер на втором этаже, в самом конце длинного коридора, встречает меня тишиной и прохладой, разбавленной ненавязчивым ароматом свежего постельного белья.

Я не снимаю обувь, но вешаю плащ и сумку на крючок в прихожей, прохожусь по комнатам, приглушаю свет в основной зоне и заглядываю в ванную. Когда мою руки, осознаю, что они дрожат. Меня сложно выбить из равновесия, даже на работе, поэтому такое состояние кажется непривычным и почти непростительным.

Сердце стучит в горле, будто пытается вырваться наружу, а в груди растекается мучительное ожидание, которое ничем невозможно заглушить. Я глубоко вдыхаю, набираю в ладони холодную воду и провожу по шее, надеясь хоть немного прийти в себя.

Я выгляжу... возбуждённой. Слишком.

Глаза блестят, щёки пылают, а губы уже без помады. Макияж сдержанный, причёска незамысловатая, но мне нравится собственное отражение – и хочется, чтобы оно понравилось Лексу.

Перебрав сотни вариантов первого приветствия, я остаиваюсь на самом обыкновенном – сажусь в кресло, запрокинув ногу на ногу. Телефон молчит, а часы показывают начало одиннадцатого. Это открытие всерьёз волнует и одновременно злит, потому что мой аноним опаздывает на целый час.

Бесцельно листая социальные сети, куда я заглядываю слишком редко, чтобы кого-то узнать, напрягаюсь сильнее, когда проходит ещё немного времени. А потом ещё. И ещё.

Странно, но я начинаю думать, что меня развели.

Что Лекс – на самом деле мой коллега Иван Степурин, решивший отомстить мне за то, что я мечу на должность начальника отдела. Что наша переписка сгенерирована искусственным интеллектом. Что фото красивого мужчины, которое я рассматривала весь день, просто скачано из сети.

Из-за этих догадок я не нахожу себе места. Несмотря на то, что не планировала сегодня пить, я звоню на ресепшен и заказываю алкогольный коктейль.

Мелькает идея спросить у администратора, кто оплатил номер, но вряд ли Лекс использовал своё настоящее имя. Скорее всего, оформил через кого-то.

«Я ухожу. Если тебя не будет в течение десяти минут –

удаляю аккаунт и больше не дам второй попытки», – набираю угрозу, которую всерьёз намерена воплотить в жизнь.

Лицо полыхает от ярости, когда сообщение остаётся непрочитанным ни через пять, ни через десять минут. Со-мневаюсь, что даже через полчаса его увидят, и я не знаю, что мне думать.

Выглядывая в окно и реагируя на мелькание фар у ворот, я осознаю: такое поведение недопустимо для настоящего мужчины. Видимо, я в нём ошиблась. Недостаточно хорошо узнала.

«Три».

«Два».

Я снимаю с крючка плащ, перекидываю его через локоть и напоследок осматриваю комнату. Кем-кем, а глупой меня никто и никогда не считал.

«Один».

Я блокирую телефон, хватаюсь за дверную ручку – и не успеваю выйти за порог, как меня отшатывает назад, потому что я врезаюсь в широкую грудную клетку... мужчины.

От близкого контакта перехватывает дыхание. Грудь у него твёрдая и тёплая – даже через ткань рубашки ощущается напряжение мышц.

Я сглатываю. Стараясь удержать равновесие, поднимаю взгляд: сначала вижу линию мощных плеч, затем белоснежный воротник, открытую шею и замираю на короткой щетине подбородка, прежде чем опустить глаза ниже...

Сопоставляя мужчину с фотографией анонима, сложно найти хоть одно отличие.

– Привет, – говорит Лекс, вихрем врываясь в номер и заставляя меня отступить назад, хотя мои намерения уехать по-прежнему серьёзны, как никогда.

– Пока.

– Извини, я очень виноват.

Он бросает огромный букет белых роз на коридорный пуф, оставляя там же чёрный пиджак. Тяжело выдыхает, совершая много резких движений и внося в идеально выверенный порядок нотку хаоса.

Его энергетика, с которой он занимает пространство вокруг, сбивает с толку, потому что я привыкла... к другому типу.

В узком коридоре становится душно. Аромат парфюма – пряный и терпкий – свободно обволакивает, проникая под кожу и ускоряя биение сердца.

– Извинения принимаются, но мне действительно пора, – качая головой, пытаюсь обойти высокую фигуру, которая выше меня примерно на голову.

За последние пять лет отношений я не помню ничьих прикосновений, кроме Костиных, поэтому сейчас, когда крупная ладонь уверенно ложится на мою талию, сдерживая порыв сбежать, внутри что-то шипит и плавится.

Я вскидываю взгляд, наконец поднимаясь выше, чем в первый раз. Чтобы заглянуть в насыщенные густой зеленью

глаза, приходится слегка запрокинуть голову.

Пока мы смотрим друг на друга, шумно дыша и пытаюсь усмирить эмоции, я нервно тереблю ремешок кожаной сумки.

Лекс чертит взглядом вертикальные линии по моему лицу, шее и ключицам, затем опускается ниже, сканируя меня полностью. Пялится открыто и бесцеремонно, очевидно, тоже сверяя с фото.

Уголок его рта дергается, и кажется, будто он потешается над ситуацией, в которой выставил меня полной дурой. Хотя я клялась себе, что больше ни одному человеку не позволю подобного. Кем бы он ни был.

– Извини, Оливия. Правда. Наш самолёт долго не мог зайти на посадку из-за непогоды, а зарядку я оставил в отеле, поэтому не смог тебя предупредить, – сумбурно поясняет Лекс. – Ты спросишь, почему я не зарядил телефон в самолёте или не попросил у кого-то устройство...

– Не спрошу.

– Я проспал, – всё же заканчивает рассказ, которому я пока не могу определиться – верить или нет. – Командировка была изматывающей. Мы подписывали контракт и сидели в заведении почти до утра, пока не пришли к... общему компромиссу.

– Контракт с кем? С профсоюзом водителей маршруток?

Я впервые слышу его глубокий, хрипловатый смех, и по коже пробегает целый табун мурашек. Как бы там ни было,

я осознаю, что и голос, и смех у него цепляют на каком-то инстинктивном уровне.

Мой аноним – довольно привлекательный мужчина, но это не значит, что я позволю ему вести себя, как угодно.

– Пусти, – настаиваю.

– Тих-тихо. Давай с самого начала, Оливия.

Мои руки безвольно повисают вдоль тела, когда Лекс делает шаг и заставляет меня прижаться к стене. Хочется сказать, что он слишком торопится, но слово «деликатность» ему, похоже, знакомо только из словаря.

В реальной жизни он излучает непривычный жар и напор, атакуя без спросу. Потому что слишком долго ждал этой встречи или потому что я ему нравлюсь – не разберу.

– Привет, я Лекс. Рад знакомству.

В горле образуется ком, когда его ладонь обхватывает мою шею, а пальцы давят на позвонки, заставляя поднять голову выше.

– Не могу сказать того же.

В зелёных глазах мелькает вспышка, и всполох искр пронизывает мой живот, распространяясь по бёдрам и груди.

Я сгребая белую рубашку. Лёгкое трение ткани между нами быстро перерастает в плотное соприкосновение. В схватку.

Лекс выдыхает, наклоняясь ниже, чтобы поравняться со мной ростом. Для этого ему приходится немного сгорбиться, несмотря на мои высокие каблук.

– Красивая... Очень... Остаñся, пожалуйста, – говорит он с той же ироничной улыбкой, стремительно касаясь губами моей скулы, щеки и заканчивая этот маршрут там, где находятся мои губы.

15

Первое прикосновение достаточно невесомое и осторожное – словно пробное, но даже от него моё тело превращается в воск. Мягкий, податливый воск, принимающий любую форму, к которой прикасаются пальцы и губы чужого мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.